

Я С Я Р Я З А Н И Н А

В Л Ю Б И С Ь
В М Е Н Я

снова ♡

Яся Рязанина

Влюбись в меня снова

<https://litres.ru/74667428>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатишестилетняя Алиса Воронцова живёт так, словно её прошлое осталось далеко позади. У неё хорошая работа, собственная квартира и привычка никогда не привязываться к людям слишком сильно.

Три года назад она пережила событие, о котором почти ничего не помнит. Ей сказали, что это был несчастный случай. Врачи объяснили провалы в памяти последствиями пережитого потрясения. Близкие советовали не возвращаться к прошлому.

Алиса научилась жить дальше. Пока однажды вечером не встретила мужчину, который назвал её другим именем.

Содержание

Глава 1. Мужчина, который меня узнал	4
Глава 2. Фотография, которой не должно было существовать	13
Глава 3. Подпись под чужой правдой	25
Глава 4. То, что ты решил за меня	37
Глава 5. Женщина, которая знала слишком много	46
Глава 6. Последний звонок	58
Глава 7. Комната, которой нет на плане	69
Глава 8. Триста семнадцатая	81
Глава 9. Папка, которую он не отдал	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Влюбись в меня снова

Глава 1. Мужчина, который меня узнал

Дождь начался в тот момент, когда Алиса Воронцова решила, что этот день уже не способен стать хуже. С утра она опоздала на собеседование из-за сломавшегося метро, затем обнаружила пятно от кофе на единственной светлой блузке, которую успела погладить перед выходом, а теперь стояла посреди незнакомой улицы и пыталась поймать такси, наблюдая, как водители один за другим проезжают мимо. Телефон показывал семь процентов заряда, туфли давно промокли, а в сумке лежало письмо с отказом от компании, в которую она мечтала попасть последние полгода. Алиса перечитала сообщение ещё раз, словно надеялась обнаружить там спрятанную фразу с извинениями или хотя бы обещанием рассмотреть её кандидатуру в будущем, но текст остался неизменным. Она с досадой убрала телефон и подняла воротник пальто, решив, что сегодня больше не позволит обстоятельствам испортить себе настроение. Получалось не особенно убедительно: ветер бросил ей в лицо холодные капли, и Алиса тихо выругалась, ускоряя шаг.

Она уже собиралась свернуть к ближайшему кафе, когда

заметила впереди широкие стеклянные двери дорогого ресторана. За окнами мерцали тёплые огни, официанты бесшумно двигались между столиками, а посетители выглядели так, словно никогда не сталкивались ни с опозданиями, ни с отказами, ни с промокшими туфлями. Алиса невольно замедлила шаг. В отражении стекла она увидела девушку с растрепавшимися волосами, покрасневшим от холода носом и усталым взглядом. Совсем не тот образ, который хотелось бы предъявить миру после очередной неудачи. Она поправила волосы, глубоко вдохнула и уже отвернулась, когда из дверей ресторана вышел мужчина. Он разговаривал по телефону, держа свободную руку в кармане тёмного пальто, и выглядел настолько собранным, что рядом с ним даже дождь казался частью заранее продуманного сценария.

Алиса сделала шаг в сторону, стараясь не столкнуться с ним, но мужчина неожиданно остановился прямо перед ней. Она подняла глаза и встретила с его взглядом. Первое, что бросилось ей в глаза, – тёмные, почти чёрные глаза, в которых не было ни обычного любопытства, ни раздражения человека, которого случайно задела на улице. Он смотрел на неё так, будто всё вокруг внезапно перестало существовать. Его пальцы крепче сжали телефон, а губы слегка приоткрылись, словно он собирался произнести что-то важное, но не мог подобрать слова. На несколько секунд между ними повисла странная тишина, хотя вокруг шумели машины и дождь барабанил по навесам. Алиса первой отвела взгляд,

решив, что незнакомец просто перепутал её с кем-то другим, однако, когда она попыталась пройти мимо, он тихо произнёс:

– Алиса?

Она остановилась и обернулась. В его голосе прозвучало нечто настолько личное, что у неё невольно возникло ощущение, будто она опоздала на встречу, о которой сама ничего не знала.

– Да. Мы знакомы?

Мужчина не ответил сразу. Он отключил телефон, не глядя на экран, и убрал его во внутренний карман пальто. Теперь, когда он стоял ближе, Алиса заметила тонкий шрам у его левой брови и едва различимую усталость на лице, которую не скрывали ни дорогая одежда, ни безупречная осанка. Он был красив той сдержанной, почти раздражающей красотой, которая не нуждается в попытках произвести впечатление. Но сильнее всего её насторожило выражение его глаз. В них было слишком много боли для человека, который видел её впервые, и слишком много недоверия для того, кто действительно рад встрече. Мужчина словно пытался убедиться, что перед ним не призрак, и с каждой секундой эта мысль казалась Алисе всё менее приятной.

– Ты меня не помнишь? – наконец спросил он.

– Простите, но я бы запомнила человека, который подходит ко мне на улице с таким вопросом.

– Не сомневаюсь, – ответил он, и в его голосе мелькнула

горькая усмешка. – Ты всегда умела делать вид, что ничего не произошло.

Алиса нахмурилась. Она не любила, когда незнакомые люди разговаривали с ней так, будто имели право оценивать её поступки, и ещё меньше любила загадки, в которых от неё ожидали правильного ответа без единой подсказки. Она крепче сжала ремешок сумки и посмотрела на мужчину внимательнее, пытаясь найти хоть одну знакомую черту. Ничего. Ни его лица, ни голоса, ни манеры держаться она не могла вспомнить. И всё же где-то глубоко внутри возникло неприятное чувство, похожее на мгновенное падение в пустоту. Оно исчезло так быстро, что Алиса решила не придавать ему значения.

– Если мы знакомы, назовите своё имя, – потребовала она.

Он слегка склонил голову, будто её слова подтвердили нечто, чего он давно опасался. Затем назвал себя:

– Даниэль Кравцов.

Имя ничего ей не сказало. Алиса была уверена, что услышала бы его раньше, если бы этот человек действительно занимал какое-то место в её жизни. Впрочем, фамилия показалась смутно знакомой: возможно, она встречала её в деловых новостях или видела на вывеске одного из офисных зданий в центре. Даниэль внимательно следил за её лицом, и, когда не заметил узнавания, его выражение изменилось. Он будто закрыл дверь, которую на короткое мгновение позволил себе приоткрыть.

— Понятно, — произнёс он.

— Что именно вам понятно?

— Что три года — достаточный срок, чтобы человек научился жить без воспоминаний.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается раздражение, смешанное с тревогой. Она не собиралась обсуждать с незнакомцем личные обстоятельства, тем более такие, о которых он не мог знать. Три года назад действительно произошёл несчастный случай, после которого некоторые события остались в памяти размытыми обрывками. Врачи предупреждали, что отдельные воспоминания могут не восстановиться, а близкие постепенно перестали задавать вопросы, позволяя ей вернуться к обычной жизни. Она редко рассказывала об этом даже друзьям, потому что не хотела превращать собственное прошлое в тему для чужого любопытства. Откуда Даниэль знал, сколько времени прошло? И почему произнёс эти слова так, словно три года были наказанием, которое они оба отбывали порознь?

— Я не знаю, кто вы и откуда вам известны обстоятельства моей жизни, — сказала Алиса, стараясь говорить спокойно. — Но если вы пытаетесь меня разыграть, выбрали неудачный день.

— Я не пытаюсь тебя разыграть.

— Тогда объясните, что происходит.

Даниэль посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на дорогу. Чёрный автомобиль остановился у тротуара, и водитель

вышел, чтобы открыть заднюю дверь. Мужчина не двинулся с места, словно забыл, зачем приехал, а потом снова повернулся к Алисе. На этот раз его голос звучал ровнее, но от этой сдержанности слова стали только тяжелее.

— Когда-то ты попросила меня никогда больше не искать тебя. Я выполнил твою просьбу. До сегодняшнего вечера.

— Я не могла этого сказать, потому что никогда вас не встречала.

— Именно это ты и говорила бы, если бы всё пошло по плану.

Он произнёс последнюю фразу почти беззвучно, и Алиса не была уверена, что правильно её расслышала. Она открыла рот, чтобы потребовать объяснений, но Даниэль уже сделал шаг назад. На его лице больше не было той растерянности, с которой он остановился перед ней. Теперь перед ней стоял совершенно другой человек — холодный, собранный и явно привыкший принимать решения, не считаясь с чужими желаниями.

— Забудь этот разговор, Алиса.

— Вы сами подошли ко мне!

— Знаю.

— Тогда хотя бы скажите, почему решили, что мы знакомы.

Даниэль задержал на ней взгляд, и на мгновение в его глазах появилось выражение, которое она не смогла объяснить. Это была не злость и не сожаление, а что-то гораздо более

сложное, словно он стоял перед выбором, последствия которого уже однажды разрушили его жизнь. Он мог рассказать ей правду. Мог назвать место, дату, событие, которое она забыла. Но вместо этого мужчина медленно выдохнул и произнёс:

— Потому что когда-то ты была единственным человеком, ради которого я был готов отказаться от всего.

Алиса замерла. Она ожидала чего угодно — обвинений, нелепой шутки, попытки познакомиться, — но никак не этих слов. Даниэль будто сам понял, что сказал слишком много, и тут же отвернулся. Водитель снова посмотрел в его сторону, ожидая распоряжений, а дождь продолжал стекать по плечам его пальто. Через несколько секунд мужчина сел в автомобиль, и чёрная машина растворилась в потоке вечерних огней, оставив Алису одну на мокром тротуаре.

Она ещё долго стояла на месте, пытаясь убедить себя, что всё произошедшее не имело никакого значения. Незнакомец перепутал её с другой женщиной, возможно, пережил тяжёлое расставание и решил, что случайная прохожая станет удобной мишенью для его странных признаний. Такое объяснение было вполне разумным, но почему-то не приносило облегчения. Алиса достала телефон, чтобы проверить время, и обнаружила, что экран погас окончательно. В кармане пальто лежали ключи от квартиры, несколько монет и сложенная вчетверо визитка кадрового агентства, куда она собиралась позвонить утром. Она уже хотела убраться теле-

фон обратно, когда вспомнила о сумке, которую всё это время держала приоткрытой. Внутри лежал блокнот, и между его страницами неожиданно обнаружился маленький белый конверт.

Алиса нахмурилась. Она не помнила, чтобы клала его туда, и была почти уверена, что утром конверта в сумке не было. На лицевой стороне аккуратным почерком было написано её имя. Ни адреса, ни подписи, ни обратного адреса — только два слова, от которых по спине пробежал холодок: «Для Алисы». Она оглянулась на дорогу, хотя понимала, что автомобиль Даниэля давно скрылся за перекрёстком, и медленно вскрыла конверт. Внутри лежала фотография, слегка потёртая по краям. На ней была изображена молодая женщина с длинными волосами, стоявшая рядом с мужчиной у перил на крыше высокого здания. Женщина улыбалась, запрокинув голову, а мужчина смотрел не в камеру, а на неё, и в этом взгляде было столько нежности, что Алиса невольно задержала дыхание. Женщина на фотографии была похожа на неё настолько, что сомнений почти не оставалось. Мужчина рядом с ней тоже был ей знаком.

Это был Даниэль.

Алиса перевернула фотографию. На обороте стояла дата трёхлетней давности, а под ней — короткая надпись, сделанная тем же почерком, что и имя на конверте. Она прочитала её один раз, затем второй, надеясь, что усталость и дождь заставили её неправильно разобрать слова. Но буквы не ме-

нялись, и смысл оставался пугающе ясным.

«Если ты читаешь это, значит, он снова нашёл тебя. Не верь ему, когда он скажет, что любил тебя».

Алиса прижала фотографию к ладони. Она не знала, кто положил конверт в её сумку, почему на снимке была она сама и какое отношение Даниэль имел к событиям трёхлетней давности. Но впервые за долгое время она почувствовала, что её прошлое не исчезло. Оно просто ждало момента, когда сможет вернуться.

И, судя по всему, этот момент наступил.

Глава 2. Фотография, которой не должно было существовать

Алиса почти не помнила, как добралась до дома. Всю дорогу она держала фотографию в кармане пальто, время от времени касаясь её пальцами, словно боялась, что снимок исчезнет, если перестать о нём думать. В вагоне метро люди смотрели в телефоны, переговаривались, смеялись над чьи-то сообщениями, а она пыталась найти в памяти хоть что-нибудь, связанное с высоким зданием, металлическими перилами и мужчиной, который смотрел на неё так, будто она была самым дорогим и одновременно самым болезненным воспоминанием его жизни. Безуспешно. В голове возникали лишь обрывки: яркий свет, чей-то смех, ощущение сильного ветра и голос, произносящий её имя. Каждый раз, когда Алиса пыталась удержать этот образ, он рассыпался, оставляя после себя неприятную тяжесть в груди. К моменту, когда она поднялась на свой этаж, усталость сменилась решимостью. Она не собиралась позволять незнакомцам распоряжаться её жизнью, даже если эти незнакомцы утверждали, что когда-то были ей близки.

В квартире было тихо и прохладно. Алиса включила свет в гостиной, сбросила промокшие туфли и положила фотографию на журнальный столик. Только теперь она замети-

ла, насколько сильно отличается женщина на снимке от той, которой Алиса привыкла видеть себя в зеркале. Та девушка выглядела беззаботной, почти дерзкой; её волосы свободно развевались на ветру, а улыбка не оставляла сомнений в том, что в тот момент она была счастлива. Алиса редко улыбалась так широко даже на фотографиях с друзьями. Она приблизила снимок к лампе, рассматривая фон, одежду и едва заметную деталь у края кадра: на запястье Даниэля блестели часы с тёмным циферблатом, а её собственную руку украшал тонкий браслет с маленькой серебряной подвеской. Браслета у неё давно не было. По крайней мере, Алиса не могла вспомнить, когда видела его в последний раз. Она открыла ящик комода, где хранила старые украшения, перебрала коробочки и цепочки, но ничего похожего не нашла. В какой-то момент ей стало настолько не по себе, что она резко закрыла ящик и отошла от комода, словно обычная вещь могла подтвердить то, во что она пока отказывалась верить.

Первым человеком, которому Алиса решила позвонить, был Марк. Он ответил почти сразу, и привычное тепло его голоса на мгновение успокоило её. Они дружили несколько лет, пережили вместе немало сложных периодов, и Марк всегда умел находить слова, когда она сама не понимала, что чувствует. Именно он помогал ей возвращаться к обычной жизни после несчастного случая, сопровождал на первые встречи с работодателями и терпеливо выслушивал, когда она злилась на собственную память. Алиса никогда не

считала его идеальным человеком: Марк мог быть упрямым, иногда слишком настойчиво навязывал своё мнение и не всегда умел признавать ошибки. Но она привыкла доверять ему. Поэтому, услышав его сонное приветствие, она сразу спросила, знает ли он человека по имени Даниэль Кравцов. На другом конце провода повисла пауза. Она была короткой, едва заметной, однако Алиса слишком хорошо знала Марка, чтобы не обратить на неё внимания.

— Откуда ты взяла это имя? — спросил он наконец.

— Сегодня встретила его возле ресторана. Он утверждает, что мы знакомы, и почему-то знает о моём несчастном случае. Марк, он сказал, что я просила его больше никогда меня не искать. Ты можешь объяснить, что это значит?

— Ничего хорошего, — ответил Марк после нескольких секунд молчания. — Алиса, послушай меня внимательно. Не встречайся с ним и не пытайся выяснять отношения самостоятельно. Я не знаю, чего он добивается, но тебе не стоит снова втягиваться в то, что произошло три года назад.

Алиса медленно выпрямилась. Она услышала именно то, чего боялась: Марк не спросил, как выглядел Даниэль, не уточнил, что тот говорил, и даже не удивился, узнав о его появлении. Он сразу заговорил о прошлом, словно заранее знал, к чему приведёт этот разговор.

— Ты только что сказал «снова», — произнесла она. — Значит, ты знаешь, кто он такой?

— Я знаю, что он может быть опасен для тебя.

— Это не ответ.

— Алиса, сейчас поздно. Ты устала, перенервничала, и этот человек явно сумел тебя встревожить. Давай поговорим завтра, спокойно, без поспешных выводов.

— Нет, Марк. Я хочу поговорить сейчас.

На этот раз он не стал отвечать сразу. Алиса слышала его дыхание и тихий шум на заднем плане, будто он находился не дома, а в каком-то общественном месте. Когда он заговорил снова, голос звучал мягче, почти просительно.

— Пожалуйста, пообещай мне, что сегодня ты больше ничего не будешь предпринимать. Не звони ему, не ищи его в интернете и не пытайся восстановить всё за один вечер. Я приеду завтра, и мы разберёмся вместе.

Алиса посмотрела на фотографию. Ей хотелось верить, что Марк просто заботится о ней, что его осторожность объясняется страхом снова увидеть её растерянной и испуганной. Но если он действительно ничего не скрывал, почему не мог прямо сказать, кем был Даниэль? Она согласилась отложить разговор до утра, хотя сама не была уверена, что сдержит обещание. Попрощавшись, Алиса положила телефон на стол и ещё некоторое время сидела неподвижно. Затем открыла поисковик и ввела имя, которое теперь казалось ей ключом к двери, за которой скрывалась чужая версия её собственной жизни.

Результаты появились почти мгновенно. Даниэль Кравцов оказался не просто состоятельным бизнесменом, как Алиса

предполагала по его внешнему виду. Ему принадлежало архитектурное бюро «Кравцов и партнёры», которое участвовало в строительстве крупных жилых комплексов, отелей и деловых центров. Его имя регулярно появлялось в деловых изданиях, а фотографии с благотворительных мероприятий и официальных приёмов создавали впечатление человека, который привык находиться в центре внимания, но никогда не раскрывать ничего личного. Алиса пролистала несколько статей, пока не наткнулась на публикацию трёхлетней давности. Заголовок был коротким: «Известный архитектор отменил свадьбу за неделю до церемонии». Под ним располагалась фотография Даниэля рядом с элегантной светловолосой женщиной. Он улыбался в камеру, но его рука лежала на талии незнакомки так, будто фотограф попросил их изобразить близость, которой на самом деле не существовало. Алиса открыла статью. Женщину звали Виктория Соколова, деловая партнёрша Даниэля. Причина отмены свадьбы не раскрывалась, а сам Кравцов отказался давать комментарии. В конце публикации упоминалось, что спустя несколько недель после этого события он попал в серьёзную автомобильную аварию. Подробности происшествия оставались неизвестными.

Алиса откинулась на спинку дивана. Три года назад. Тот же период, когда её собственная жизнь раскололась на «до» и «после». Совпадение могло быть случайным, но теперь она уже не верила в простые объяснения. Она снова посмотре-

ла на фотографию и попыталась определить, где именно она была сделана. За спиной девушки и Даниэля виднелась панорама города, а на соседнем здании можно было различить часть вывески. Алиса увеличила снимок, затем открыла карту и начала искать подходящие места. Через двадцать минут она нашла здание, которое показалось ей знакомым: старый отель на набережной, недавно переоборудованный в жилой комплекс. На его крыше располагалась закрытая терраса с видом на реку. В статье о Даниэле упоминалось, что его бюро участвовало в реконструкции этого объекта. Алиса почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Возможно, это действительно было место на фотографии. Возможно, она когда-то бывала там с ним. Но почему тогда никто не рассказал ей об этом?

Она почти убедила себя, что на сегодня достаточно, когда экран ноутбука мигнул уведомлением о новом сообщении. Письмо пришло с неизвестного адреса, а в теме стояли всего два слова: «Не ищи». Алиса не сразу открыла его. Она внимательно проверила адрес отправителя, но он представлял собой бессмысленный набор букв и цифр. Внутри не было приветствия или подписи, только одна строка: «Если хочешь сохранить то, что у тебя осталось, перестань задавать вопросы о Даниэле Кравцове». Она перечитала сообщение несколько раз. Потом посмотрела на фотографию, лежавшую рядом с ноутбуком, и вдруг заметила, что один из краёв снимка был неровным. Казалось, фотографию ко-

гда-то разрезали, а затем попытались аккуратно обрезать заново. Алиса перевернула её и провела пальцем по бумаге. В нижнем углу проступали едва различимые следы ещё одной надписи, словно поверх старых букв кто-то нанёс белую краску. Она поднесла снимок ближе к свету, но разобрать слова не смогла.

На следующий день Алиса пришла в офис кадрового агентства раньше назначенного времени. Она почти не спала, а неизвестное сообщение так и осталось открытым на экране её ноутбука. Она не рассказала о нём Марку, решив сначала понять, кто мог отправить письмо. Вместо этого она распечатала фотографию и положила её в папку с документами, которую собиралась взять на собеседование. Встреча с потенциальным работодателем казалась единственным способом вернуть себе привычное ощущение контроля. Но когда администратор попросила её подождать несколько минут и сообщила, что руководитель лично хочет провести собеседование, Алиса почувствовала неприятное предчувствие. Ей назвали адрес делового центра, в котором располагалось бюро «Кравцов и партнёры». На вопрос, почему её кандидатуру передали именно туда, девушка за стойкой улыбнулась и ответила, что компания сама запросила её резюме. Алиса медленно опустила телефон. Она не отправляла резюме в это бюро и даже не знала о его существовании до вчерашнего вечера.

Несмотря на желание немедленно отказаться, Алиса всё

же приехала по указанному адресу. Она не собиралась позволять Даниэлю решать за неё, но хотела понять, зачем он вмешивается в её жизнь и почему так настойчиво пытается приблизиться к ней, одновременно требуя забыть их встречу. В холле делового центра пахло кофе и свежими цветами. За стойкой регистрации её уже ждали, а лифт поднял на верхний этаж без единой остановки. Секретарь провела Алису по длинному коридору и остановилась перед дверью с лаконичной табличкой. «Даниэль Кравцов. Генеральный директор». Алиса успела подумать, что всё это похоже на плохо разыгранную шутку, когда дверь открылась изнутри. Даниэль стоял у окна, сняв пиджак и закатав рукава рубашки. Увидев её, он не выразил ни удивления, ни удовлетворения, словно был уверен, что она придёт.

— Вы действительно считаете, что можете появляться в моей жизни, когда вам вздумается? — спросила Алиса вместо приветствия.

— Нет, — ответил он. — Но, судя по всему, кто-то другой уже решил, что может распоряжаться твоей жизнью вместо тебя.

— Тогда объясните, зачем вы вызвали меня сюда.

Даниэль указал на кресло напротив своего стола, но Алиса осталась стоять. Он не стал настаивать и вернулся к окну, за которым раскинулся город, залитый холодным утренним светом. Несколько секунд он молчал, словно подбирал слова, которые не причинят лишней боли, а затем повернулся

к ней.

— Твоё резюме оказалось у меня не случайно. Мне нужен человек на должность координатора одного из новых проектов. Твой опыт подходит, а рекомендации, которые я получил, оказались лучше ожидаемого. Я предложил тебе собеседование, потому что считаю тебя подходящим кандидатом.

— Вы могли бы просто сказать это вчера.

— Мог бы.

— Но вместо этого вы рассказывали мне, что я вас забыла.

Даниэль опустил взгляд, и на этот раз в его лице не было ни холодной уверенности, ни привычной отстранённости. Он выглядел человеком, который слишком долго носил в себе один и тот же вопрос и так и не нашёл ответа, способного его успокоить.

— Потому что для меня это важнее любой работы, — сказал он. — Но я понимаю, что ты не обязана мне верить.

Алиса достала из папки фотографию и положила её на стол между ними. Даниэль посмотрел на снимок, и его лицо мгновенно изменилось. Он не притронулся к фотографии, но пальцы правой руки непроизвольно сжались в кулак. Этой реакции оказалось достаточно, чтобы Алиса поняла: он знает, что это за снимок, и знает, почему он оказался у неё.

— Кто положил его в мою сумку? — спросила она.

— Не знаю.

— А кто написал, что мне нельзя вам верить?

Даниэль медленно поднял глаза.

— Что именно там написано?

Алиса внимательно следила за ним. Она не собиралась показывать письмо, пока не поймёт, насколько далеко он готов зайти в своей лжи, и поэтому повторила предупреждение с оборотной стороны фотографии. Когда она произнесла слова «Не верь ему, когда он скажет, что любил тебя», Даниэль побледнел. Он отвернулся к окну, и на несколько секунд Алисе показалось, что разговор окончен. Но затем он тихо произнёс:

— Значит, они решили начать именно с этого.

— Кто — они?

Он не ответил. Вместо этого взял фотографию, осторожно перевернул её и провёл пальцем по нижнему краю, будто проверяя то, чего Алиса не заметила. Потом вернул снимок на стол и посмотрел на неё с выражением, от которого ей захотелось немедленно выйти из кабинета, хотя она не могла объяснить почему.

— Алиса, если ты действительно хочешь узнать правду, тебе придётся принять одну вещь. Я не единственный человек, который лгал тебе о прошлом.

— А вы лгали?

Даниэль выдержал её взгляд. В его глазах снова появилось то самое выражение — смесь боли и решимости, которое она заметила при первой встрече.

— Да, — ответил он. — Но не обо всём.

Алиса почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Она

пришла сюда за объяснениями, но получила лишь новое признание, за которым скрывалась ещё одна неизвестность. И всё же теперь она знала главное: Даниэль не собирался отрицать фотографию или делать вид, что не понимает, о чём идёт речь. Он был связан с её прошлым, и эта связь оказалась гораздо серьёзнее, чем она могла предположить.

Она забрала снимок со стола и направилась к двери. Уже взявшись за ручку, Алиса услышала его голос:

— Подожди. Есть кое-что, что ты должна увидеть.

Она обернулась. Даниэль открыл ящик стола, достал тонкую папку и вынул из неё лист бумаги, который выглядел старым и слегка помятым. Он не протянул его сразу, словно всё ещё сомневался, стоит ли показывать содержимое. Затем положил лист перед ней.

Это была копия заявления, датированного тем же месяцем, что и фотография. В верхней части стояло имя Алисы Воронцовой, а ниже — несколько строк, напечатанных официальным языком. Алиса начала читать и остановилась на середине первой страницы. Она узнала собственную подпись внизу документа. Подпись была её — с характерным росчерком последней буквы, который она никогда не меняла. Но содержание заявления было таким, что Алиса не могла поверить собственным глазам.

В документе говорилось, что она добровольно просит прекратить любые попытки связаться с Даниэлем Кравцовым и подтверждает, что не желает больше иметь с ним ничего об-

щего.

Алиса подняла голову. Даниэль стоял напротив неё, не пытаясь оправдаться или объяснить увиденное. Он лишь смотрел на неё так, словно ждал этого момента три долгих года.

— Я не писала этого, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил Даниэль.

И впервые с момента их встречи Алиса поняла, что боится не того, что он может рассказать ей о прошлом. Она боялась того, что он уже знает правду, но всё это время позволял ей верить в совершенно другую историю.

Глава 3. Подпись под чужой правдой

Алиса продолжала смотреть на документ, лежавший между ней и Даниэлем, словно надеялась, что стоило лишь отвести взгляд и снова посмотреть на бумагу, как напечатанные строки изменятся. Но заявление оставалось прежним: её имя, её подпись, дата трёхлетней давности и холодная формулировка, утверждавшая, что она больше не желает иметь ничего общего с человеком, который теперь стоял напротив неё. Алиса знала собственный почерк слишком хорошо, чтобы списать всё на случайное сходство. Она подписывала договоры, документы на квартиру, банковские бумаги и десятки других вещей, не задумываясь над каждым движением руки. И всё же именно сейчас, глядя на знакомый росчерк, она испытывала странное чувство отчуждения, словно кто-то воспользовался её рукой, чтобы оставить след в собственной истории. Даниэль не торопил её и не пытался забрать документ обратно. Он стоял у стола, опираясь ладонями о его край, и молчал с таким напряжением, будто понимал, что ещё одно неосторожное слово может окончательно разрушить хрупкое равновесие между ними.

— Я хочу знать, где вы взяли этот документ, — наконец произнесла Алиса. Голос прозвучал твёрже, чем она ожида-

ла, хотя пальцы, державшие лист, слегка дрожали. — Кто его составил, кто присутствовал при подписании и почему вы уверены, что я не писала его сама? Вы ведь только что признались, что лгали мне. С какой стати я должна верить вашим словам теперь?

Даниэль медленно выпрямился и на несколько секунд задумался, прежде чем ответить. Он не выглядел человеком, который собирается придумывать оправдание на ходу, но Алиса уже понимала, что внешнее спокойствие ничего не говорит о правдивости его слов. За последние сутки она услышала слишком много противоречивых утверждений, чтобы доверять одному лишь выражению лица. Он мог быть искренним, мог искусно манипулировать ею, а мог и сам не знать всей правды. Последняя мысль почему-то показалась ей особенно тревожной, потому что тогда у неё не оставалось даже того человека, которому можно было бы задать правильные вопросы.

— Заявление передали моему адвокату, — сказал Даниэль. — Его прислали вместе с уведомлением о том, что ты не желаешь со мной общаться. Я не присутствовал при подписании и не видел, кто его составлял. Когда я попытался связаться с тобой, мне сообщили, что ты не хочешь меня видеть. Позже я узнал о твоём несчастном случае, но к тому времени ты уже находилась под наблюдением врачей, а люди, которые были рядом с тобой, не позволяли мне приблизиться.

— Какие люди?

Он отвёл взгляд, и Алиса заметила, как напряглась его челюсть. На этот раз молчание было не растерянным, а намеренным. Он явно решал, насколько далеко может зайти, не нарушив собственных обещаний или не подвергнув кого-то опасности. Эта мысль разозлила Алису сильнее, чем любые уклончивые ответы: даже теперь, когда речь шла о её собственной жизни, Даниэль продолжал выбирать, какую часть правды она заслуживает услышать.

— Я не стану называть имена, пока не смогу доказать, что они действительно имеют отношение к происходящему, — произнёс он. — Я не хочу обвинять человека только потому, что у меня есть подозрения.

— Удобная позиция. Особенно если учесть, что вы сами признаёте, что лгали мне.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет, Даниэль. Вы не понимаете. Вы знаете моё имя, знаете о событии, которое изменило мою жизнь, и храните документ с моей подписью. А я не могу вспомнить даже того, где мы с вами впервые встретились. Вы предлагаете мне поверить, что все вокруг что-то скрывают, но при этом сами отказываетесь отвечать на прямые вопросы. Почему я должна считать вас исключением?

Он принял её слова без возражений, и это почему-то оказалось хуже, чем если бы он попытался оправдаться. Алиса ожидала раздражения, попытки заставить её замолчать или хотя бы холодного напоминания о том, что она сама пришла

в его кабинет. Вместо этого Даниэль посмотрел на неё с усталой печалью, которая совершенно не вязалась с его привычной уверенностью. Он словно соглашался с каждым обвинением, но не считал себя вправе просить прощения. На короткое мгновение Алисе показалось, что она видит человека, которого когда-то знала и которому действительно причинила боль, однако она тут же подавила эту мысль. Чужая боль не могла служить доказательством чужой правоты.

— Ты не должна мне верить, — сказал он. — Пока не должна. Но если собираешься выяснить, что произошло три года назад, начни с документов, а не с воспоминаний. Твою память нельзя заставить вернуться по приказу, зато бумаги можно проверить. Я дам тебе копии всего, что сохранилось у моего адвоката. Если в них есть подделка, мы найдём её.

— Почему вы вообще хотите мне помогать?

Даниэль посмотрел на фотографию, которую Алиса всё ещё держала в руке. Его взгляд задержался на изображении молодой женщины, улыбавшейся на фоне города, и выражение лица стало почти невыносимо откровенным. В нём не было ни торжества, ни надежды на то, что Алиса вдруг вспомнит их прошлое. Только сожаление, накопившееся за долгие годы и не находившее выхода.

— Потому что однажды я уже позволил другим людям решить за нас обоих, что тебе лучше без меня, — ответил он. — И больше не собираюсь повторять эту ошибку.

Алиса хотела спросить, что именно он подразумевает под

словом «позволил», но в этот момент за дверью послышались шаги. Секретарь негромко постучала и, получив разрешение войти, сообщила, что к Даниэлю пришла Виктория Соколова. При упоминании этого имени он едва заметно изменился в лице. Алиса вспомнила фотографию из деловой статьи, где Виктория стояла рядом с ним в день, когда они ещё собирались пожениться, и вдруг поняла, что встреча с этой женщиной может оказаться полезнее любого разговора с Даниэлем. Если кто-то знал, что произошло три года назад, то бывшая невеста человека, которого Алиса забыла, вполне могла оказаться среди этих людей.

— Пусть войдёт, — распорядился Даниэль.

Он произнёс это спокойно, но затем повернулся к Алисе и понизил голос:

— Я советую тебе не говорить Виктории о фотографии и о письме, которое ты получила.

— Почему?

— Потому что я не знаю, от кого они пришли. А Виктория умеет узнавать новости раньше, чем они становятся известны остальным.

— Вы только что обещали помочь мне выяснить правду, а теперь просите скрывать от людей информацию. Скажите честно: вы действительно хотите, чтобы я узнала, что произошло, или просто хотите контролировать, каким путём я к этому приду?

Даниэль не успел ответить. Дверь открылась, и в кабинет

вошла высокая светловолосая женщина в светлом костюме. Виктория выглядела безупречно: волосы уложены, макияж сдержанный, на запястье тонкие часы, которые могли стоить больше, чем вся одежда Алисы. Она поздоровалась с Даниэлем, положила на стол папку и только после этого обратила внимание на посетительницу. Её взгляд скользнул по лицу Алисы, задержался на несколько секунд, а затем опустился на фотографию в её руке. Улыбка Виктории не исчезла, но стала заметно напряжённее.

— Вот так встреча, — произнесла она. — Я думала, ты больше не появишься в этом здании.

Алиса медленно повернулась к ней. В этих словах не было обычной вежливости, которую можно было бы ожидать от делового партнёра, случайно встретившего незнакомую женщину в кабинете директора. Виктория говорила так, словно Алиса действительно бывала здесь прежде, причём достаточно часто, чтобы её отсутствие стало привычным. Даниэль молчал, наблюдая за ними, и Алиса решила не упускать возможность получить хотя бы один прямой ответ.

— Мы знакомы? — спросила она.

Виктория посмотрела на Даниэля, будто ждала, что он вмешается, но тот не произнёс ни слова. Тогда она снова обратилась к Алисе, и в её взгляде появилось странное сочувствие, от которого хотелось отстраниться.

— Мы встречались несколько раз. Правда, тогда ты была совсем другим человеком. Более решительным, я бы сказа-

ла. Ты прекрасно знала, чего хочешь, и редко позволяла кому-либо говорить за тебя.

— А сейчас я, по-вашему, позволяю?

— Сейчас ты не помнишь, что произошло. Это разные вещи.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы. Виктория произнесла это слишком спокойно, без удивления и без попытки смягчить смысл сказанного. Она не спросила, действительно ли Алиса потеряла воспоминания, не уточнила, что именно та помнит, и не выразила сочувствия. Казалось, для неё это давно установленный факт, который не нуждается в объяснениях. Алиса перевела взгляд на Даниэля, но он по-прежнему молчал. Его предупреждение теперь звучало ещё более подозрительно: он не хотел, чтобы она задавала вопросы Виктории, однако именно Виктория могла знать то, чего он не собирался рассказывать.

— Тогда, возможно, вы сможете помочь мне, — сказала Алиса. — Я нашла документ с моей подписью, в котором говорится, что я добровольно прекратила общение с Даниэлем. Вы знаете, при каких обстоятельствах он был составлен?

На лице Виктории впервые появилось неподдельное удивление. Она медленно повернула голову к Даниэлю, и в этом движении было столько напряжения, что Алиса сразу поняла: вопрос попал в точку. Несколько секунд женщина молчала, а затем сняла перчатки, которые до этого держала в руке, и аккуратно положила их рядом с папкой.

— Значит, он всё-таки показал тебе заявление, — произнесла она. — Я надеялась, что до этого не дойдёт.

— Ты знаешь, кто его составил? — резко спросил Даниэль.

— Конечно, знаю.

Виктория произнесла это без колебаний, после чего посмотрела на Алису. В её глазах больше не было ни притворного сочувствия, ни холодного любопытства. Только настояренность человека, который понимает, что однажды спрятанная правда начинает выходить наружу и уже не спрашивает разрешения.

— Но прежде чем я отвечу, Алиса, ты должна понять одну вещь. Тот документ не был началом вашей истории. Он стал её концом. И если ты действительно хочешь узнать, почему всё закончилось, тебе придётся услышать не только то, что Даниэль готов рассказать.

— А что ещё я должна услышать?

Виктория не ответила сразу. Она открыла свою папку, достала из неё тонкий конверт и положила перед Алисой. Конверт был старым, с потемневшими краями, а на лицевой стороне стояла дата, которая совпадала с датой на фотографии. Алиса не стала прикасаться к нему, но заметила, что Даниэль смотрит на конверт с выражением человека, который надеялся больше никогда его не увидеть.

— Это письмо ты написала мне сама, — сказала Виктория. — За несколько дней до несчастного случая. И если

твоя подпись на заявлении вызывает у тебя сомнения, то здесь ты сможешь прочитать собственные слова.

Алиса посмотрела на конверт, затем на Викторию. Ей хотелось потребовать, чтобы женщина немедленно объяснила всё, но она боялась, что, открыв письмо, узнает нечто, к чему пока не готова. Она уже видела фотографию, слышала признание Даниэля и обнаружила документ, который противоречил её воспоминаниям. Теперь перед ней лежало ещё одно свидетельство, способное подтвердить или разрушить всё, во что она верила о собственной жизни.

— Почему вы не отдали его мне раньше? — спросила Алиса.

— Потому что ты сама попросила меня сохранить его до тех пор, пока не будешь готова узнать правду.

— Когда я это сказала?

Виктория на мгновение закрыла глаза, словно ответ причинял ей больше боли, чем она хотела показать. Затем она посмотрела на Даниэля, и между ними возникло молчаливое противостояние, в котором Алиса чувствовала себя единственным человеком, не знающим правил игры.

— В последний вечер перед тем, как всё изменилось, — ответила Виктория. — Ты пришла ко мне одна и сказала, что больше не можешь доверять человеку, которого любишь. Ты попросила меня сохранить письмо и никому не показывать его, пока сама не решишь вернуться к прошлому. А потом ушла, и через несколько дней я узнала о твоём несчастном

случае.

Алиса медленно опустилась в кресло. Слова Виктории не давали ей ответов, но открывали новую возможность, от которой становилось страшно. Если она действительно написала это письмо, значит, в какой-то момент своей жизни она знала Даниэля настолько хорошо, что могла любить его. И одновременно настолько сильно боялась чего-то, что решила отказаться от него и спрятать собственные слова от самой себя. Но что могло заставить её сделать такой выбор? И почему Даниэль, который утверждал, что любил её, не попытался найти способ объяснить случившееся?

Виктория пододвинула конверт ближе. Алиса наконец протянула руку и коснулась бумаги, но не открыла её. Ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями, хотя она понимала, что с этого момента прежняя жизнь уже не вернётся. Она пришла в этот кабинет, надеясь выяснить, кто подделал её подпись, а теперь узнала, что сама могла попросить сохранить доказательство собственной тайны.

— Я заберу письмо, — сказала Алиса. — Но прочитаю его тогда, когда буду готова. И если хоть один из вас попытается снова решить за меня, какую правду я должна знать, я больше не стану разговаривать ни с кем из вас.

Виктория кивнула, словно ожидала именно такого ответа. Даниэль ничего не сказал, но Алиса заметила, что его рука невольно потянулась к конверту и тут же остановилась. Он хотел что-то сделать, однако заставил себя остаться на ме-

сте. Возможно, он боялся содержимого письма. Возможно, боялся того, что произойдёт после того, как Алиса его прочитает. Впервые за всё время она увидела в нём не властного мужчину, привыкшего контролировать ситуацию, а человека, который не может изменить уже совершённые ошибки.

Когда Алиса вышла из кабинета, конверт лежал в её сумке рядом с фотографией. Она не знала, кому из них верить, и пока не собиралась выбирать сторону. Но теперь у неё было нечто более важное, чем чужие признания: возможность самостоятельно добраться до истины. И если ради этого придётся разрушить отношения с людьми, которых она считала близкими, она готова была рискнуть.

Она ещё не успела дойти до лифта, когда телефон завибрировал. На экране высветилось имя Марка. Алиса ответила, ожидая очередного предупреждения, но вместо привычного приветствия услышала напряжённый голос:

— Алиса, у меня один важный вопрос. Ты ведь ещё не открыла письмо Виктории?

Алиса застыла посреди коридора. Она не говорила Марку о встрече с Викторией, не сообщала, что получила от неё конверт, и даже не успела написать ему после разговора с Даниэлем. Несколько секунд она молчала, чувствуя, как внутри медленно поднимается холодная тревога.

— Откуда ты знаешь про письмо? — спросила она.

На другом конце провода стало тихо. Затем Марк произнёс слова, после которых Алиса поняла, что их разговор с

самого начала был не таким случайным, как ей хотелось верить.

— Потому что именно я попросил Викторию сохранить его.

Глава 4. То, что ты решил за меня

— Потому что именно я попросил Викторию сохранить его.

Слова Марка прозвучали так спокойно, что Алиса несколько секунд не могла поверить, будто правильно его услышала. За окном кабинета Виктории шумел город, в коридоре кто-то смеялся, а в её руке лежал конверт, который, казалось, становился тяжелее с каждой секундой.

— Ты попросил её сохранить письмо, которое написала я? — переспросила Алиса. — И всё это время ты знал, что оно существует?

— Алиса, я могу объяснить.

— Тогда объясняй. Только не начинай с того, что хотел меня защитить. Я уже слышала эту фразу сегодня, и, если честно, она начинает меня раздражать.

Марк помолчал. Обычно он умел находить правильные слова даже в самых сложных ситуациях. Именно за это Алиса ценила его все эти годы: рядом с ним не приходилось притворяться сильной, не нужно было подбирать выражения или бояться, что её сочтут слишком эмоциональной. После аварии он стал человеком, на которого она опиралась, когда собственная память превращалась в туман. И теперь ей было страшнее всего признать, что, возможно, даже это доверие держалось на истории, которую он рассказывал ей сам.

— Три года назад ты попросила меня об одной услуге, — наконец произнёс Марк. — Ты сказала, что если однажды начнёшь задавать вопросы о Даниэле, я должен сделать всё, чтобы ты не вернулась к нему, пока сама не будешь готова.

— И ты решил, что можешь определять, когда я готова?

— Я не знал, что делать! — впервые повысил голос Марк. — Ты была напугана, злилась на всех вокруг, а потом случилась авария. После неё ты не помнила половины того, что происходило до неё. Я пытался помочь тебе начать заново.

— Начать заново или начать так, как удобно тебе?

На другом конце линии повисла тишина. Алиса закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Она не хотела превращать разговор с Марком в очередную ссору, но устала от людей, которые говорили о её жизни так, будто она сама была в ней случайной гостьей.

— Ты знал о письме Виктории, — продолжила она уже тише. — Ты знал о Даниэле. Возможно, ты знал и о той бумаге с моей подписью. Скажи мне хотя бы одно: ты видел меня до аварии?

— Конечно, видел.

— Я имею в виду, когда я ещё была собой. Когда помнила всё.

Марк тяжело вздохнул.

— Да, Алиса. Видел.

— Тогда расскажи, какой я была.

— Ты была упрямой, резкой, когда тебя пытались загнать

в угол. Ты могла простить почти всё, кроме лжи. И если что-то решала, тебя было невозможно остановить.

— Забавно, — сказала Алиса. — Потому что сейчас все вокруг пытаются убедить меня, что я сама просила их мне лгать.

— Я не лгал тебе обо всём.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но я не хочу, чтобы ты принимала решения, о которых потом пожалеешь.

Алиса посмотрела на конверт. На его лицевой стороне не было ни имени, ни даты — только её имя, написанное знакомым, но почему-то чужим почерком. Она провела пальцем по сгибу бумаги и вдруг поймала себя на странном ощущении: ей казалось, что она уже держала этот конверт в руках. Не когда-то давно, не в смутном сне, а совсем недавно. Возможно, в тот день, когда сделала фотографию с Даниэлем.

Но воспоминание исчезло прежде, чем она успела за него ухватиться.

— Я прочитаю письмо, — сказала она.

— Алиса, пожалуйста...

— Нет, Марк. Ты больше не будешь решать за меня. Если я действительно просила тебя остановить меня, то у меня были причины. Но я не помню их, а значит, не могу понять, чего боялась. И пока я не узнаю правду, твои обещания ничего не меняют.

Она завершила звонок, не дожидаясь ответа. Несколько

секунд Алиса стояла неподвижно, глядя на экран телефона. Ей хотелось немедленно перезвонить, потребовать ещё объяснений, заставить Марка признаться во всём, что он скрывал. Но она знала: если продолжит разговор сейчас, то снова позволит ему направлять её вопросы туда, куда удобно ему.

Поэтому она убрала телефон в сумку и вышла из здания.

Дома Алиса не стала включать свет. Она сняла пальто, оставила сумку на стуле и прошла к окну, за которым сгущались вечерние сумерки. На противоположной стороне улицы загорались окна, в соседнем доме кто-то задвигал шторы, а на мокром асфальте отражались красные огни автомобилей. Всё выглядело привычно, почти успокаивающе, и именно это раздражало сильнее всего. Мир продолжал жить так, словно её прошлое не раскололось на десятки противоречивых версий.

Она достала конверт и положила его на стол.

Виктория сказала, что письмо было написано за несколько дней до аварии. Марк попросил сохранить его. Даниэль предъявил документ, подписанный её рукой, и утверждал, что сам не участвовал в его составлении. Каждый из них обладал частью истории, но никто не спешил отдавать ей всё целиком.

Алиса осторожно вскрыла конверт.

Внутри лежал сложенный вдвое лист бумаги. Чернила немного выцвели, а на сгибе виднелся крошечный след от капли воды. Она развернула лист и начала читать.

«Виктория, если ты читаешь это письмо, значит, я так и не решилась сказать тебе всё лично. Наверное, ты снова назовёшь меня трусихой, и на этот раз я даже не стану спорить. Я действительно боюсь. Только не за себя.

Ты должна знать, что я не собираюсь выходить за него замуж и не собираюсь просить его выбрать меня. Я уже приняла решение, и теперь мне нужно, чтобы ты поверила мне хотя бы в одном: всё, что произошло между нами, не было случайностью.»

Алиса остановилась.

Между нами.

Она перечитала последние слова, надеясь, что смысл изменится, если посмотреть на них ещё раз. Но строчки оставались прежними. Письмо было адресовано Виктории, бывшей невесте Даниэля. При этом Алиса писала о решении не выходить за него замуж, словно сама когда-то могла оказаться на месте женщины, которой он собирался посвятить жизнь.

Она продолжила читать.

«Я знаю, что ты думаешь обо мне. Возможно, ты считаешь, что я пришла в вашу жизнь, чтобы разрушить её. Но я никогда не хотела причинять тебе боль. Я пыталась уйти, правда. Несколько раз. И каждый раз находила причину остаться ещё на один день.

Если он спросит, скажи ему, что я больше не хочу его видеть. Если Марк спросит, не показывай ему это письмо. А если однажды я сама вернусь к тебе и попрошу рас-

сказать, что произошло, не верь первому ответу, который услышишь. Даже если этот ответ будет исходить от меня.»

Последняя фраза заставила Алису опустить лист.

Она сидела за столом, не замечая, как холодеют пальцы. Письмо не давало ответов. Оно лишь создавало новые вопросы, и самый тревожный из них заключался в том, что Алиса заранее предупреждала Викторию: однажды она может сама солгать о собственном прошлом.

Внизу страницы стояла подпись.

Алиса.

Почерк был её. По крайней мере, он совпадал с тем, которым она подписывала документы сейчас. Но рядом с подписью виднелся ещё один след — едва различимый отпечаток, будто на бумагу когда-то надавили другим листом. Алиса поднесла письмо ближе к настольной лампе, пытаясь разобрать проступавшие линии. Несколько букв складывались в слово, но прочитав его полностью не удавалось.

Она достала из сумки фотографию с крыши и положила рядом с письмом. На снимке Даниэль смотрел на неё так, словно в тот момент больше не существовало ничего важного. Алиса пыталась представить, что чувствовала, стоя рядом с ним, но вместо воспоминаний появлялись лишь обрывки: холодный ветер, чьи-то пальцы, сжавшие её ладонь, и мужской голос, произносящий её имя с такой отчаянной нежностью, что у неё болезненно сжалось сердце.

А потом возникло другое ощущение — страх.

Не перед Даниэлем. Перед тем, что она могла узнать.

Алиса резко отодвинула фотографию. Ей нужно было увидеться с Викторией ещё раз, но не в офисе Даниэля и не в присутствии людей, которые могли вмешаться в разговор. Она достала телефон и нашла номер, указанный на визитке, которую Виктория оставила ей перед уходом.

Сообщение получилось коротким:

«Я прочитала письмо. Нам нужно поговорить. Без Даниэля и без Марка».

Ответ пришёл почти сразу.

«Я ждала, когда ты его прочитаешь. Завтра в десять. Кафе напротив старого вокзала. И, Алиса... не приходи туда вместе с Марком».

Алиса перечитала сообщение дважды. Виктория не спросила, что именно было в письме. Не выразила удивления и не попыталась объяснить написанное. Она просто назначила встречу, словно давно знала, к чему приведёт этот разговор.

Но прежде чем Алиса успела убрать телефон, на экране появилось новое уведомление.

Неизвестный номер.

«Теперь ты знаешь, что сама собиралась уйти. Осталось выяснить, почему передумала».

Алиса почувствовала, как внутри всё сжалось. Она не успела никому рассказать содержание письма. Даже Марк, который знал о его существовании, не мог знать, что именно

она только что прочитала.

Она быстро набрала ответ:

«Кто это?»

Сообщение было доставлено, но ответа не последовало. Алиса позвонила на номер, однако вызов сразу сбросили. Она попробовала ещё раз — теперь телефон сообщил, что абонент недоступен.

В комнате стало слишком тихо. Алиса медленно подняла взгляд на окно и заметила собственное отражение: бледное лицо, напряжённые плечи, письмо, зажатое в руке. Ей вдруг показалось, что она не одна в этой истории даже сейчас, когда сидит в собственной квартире с запертой дверью.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение пришло от Марка.

«Пожалуйста, не встречайся завтра с Викторией. Она не рассказала тебе самого важного».

Алиса смотрела на экран, пока буквы не начали расплываться перед глазами. Марк снова знал, что она собирается сделать, хотя она не говорила ему ни слова. И теперь у неё оставалось два варианта: послушать человека, который три года оберегал её от правды, или встретиться с женщиной, которая когда-то была невестой Даниэля и, возможно, знала о ней больше, чем она сама.

Алиса положила телефон экраном вниз и аккуратно сложила письмо.

Завтра она пойдёт на встречу.

Не потому, что доверяла Виктории. И не потому, что считала Марка врагом. Она просто больше не собиралась позволять другим людям выбирать, какую часть собственной жизни ей разрешено помнить.

И всё же, прежде чем лечь спать, Алиса ещё раз посмотрела на фотографию. На обороте, под предупреждением, которое она обнаружила в первый день, проступала тонкая линия, которую раньше она не замечала. Она поднесла снимок к свету и увидела, что под первыми словами было что-то написано, а затем старательно стёрто.

Разобрать удалось только два слова:

«Ты обещала...»

Продолжение исчезало под потёртостью бумаги.

Алиса не знала, кому дала обещание и почему кто-то так старательно пытался скрыть его от неё. Но впервые за эти три года она почувствовала, что память не просто молчит.

Она сопротивляется. И, возможно, не без причины.

Как вам разговор? Пригодился?

Глава 5. Женщина, которая знала слишком много

Утром Алиса проснулась раньше будильника. Ночью она несколько раз перечитывала письмо Виктории, пытаясь найти в нём хоть одну деталь, которая помогла бы восстановить события трёхлетней давности. Но чем внимательнее она изучала строчки, тем больше понимала, что письмо написано человеком, который боялся не столько потерять любимого, сколько допустить, чтобы правда оказалась в чужих руках. Особенно её тревожило предупреждение о Марке. Почему Алиса запретила Виктории показывать ему письмо, если именно Марк впоследствии попросил сохранить его? И что означало последнее признание о том, что даже собственным словам Алисы нельзя будет доверять?

Она собралась без спешки, выбрав тёмное пальто и убрав письмо во внутренний карман сумки. Перед выходом Алиса задержалась у зеркала и внимательно посмотрела на своё отражение. Она выглядела почти так же, как всегда, но внутри что-то изменилось: теперь она больше не хотела получать ответы, которые другие люди считали для неё безопасными. Если её прошлое действительно было настолько страшным, она имела право узнать об этом сама.

Кафе напротив старого вокзала оказалось небольшим и

почти пустым. За высокими окнами медленно проплывали автомобили, а над столиками тихо играла музыка, едва различимая за шумом кофемашины. Виктория уже ждала её у окна. На этот раз она выглядела иначе, чем в кабинете Даниэля: без безупречной деловой улыбки, без привычной уверенности в каждом движении. Перед ней стояла чашка нетронутого кофе, а на соседнем стуле лежала небольшая кожаная папка.

— Ты пришла, — произнесла Виктория, когда Алиса подошла к столику.

— Ты ведь сама назначила встречу. Или надеялась, что я передумаю?

Виктория едва заметно улыбнулась, но в её взгляде не было веселья. Она подождала, пока Алиса сядет, и только тогда придвинула к ней папку. На обложке не было ни имени, ни каких-либо отметок, однако края кожи заметно потёрлись, словно её много раз открывали и закрывали.

— Прежде чем ты начнёшь задавать вопросы, я хочу кое-что объяснить. Я не собираюсь убеждать тебя, что Даниэль хороший человек, а Марк плохой. Они оба совершали поступки, за которые должны отвечать. Но если ты хочешь разобраться в том, что случилось три года назад, тебе придётся отказаться от мысли, что существует только одна версия событий.

— Я уже поняла, что у каждого из вас своя правда. Проблема в том, что никто не объясняет, где заканчивается прав-

да и начинается удобная ложь.

— Именно поэтому я попросила тебя прийти без них.

Алиса положила ладони на стол и посмотрела Виктории прямо в глаза. Ей хотелось услышать объяснение, которое наконец соединит разрозненные факты, но она боялась, что снова получит лишь половину ответа. Виктория заметила её напряжение и открыла папку. Внутри лежали несколько распечатанных фотографий, копии документов и маленькая флешка в прозрачном пластиковом футляре.

— Начнём с того, что ты должна знать обо мне, — сказала Виктория. — Я действительно собиралась выйти замуж за Даниэля. Наша свадьба должна была состояться через неделю после того, как мы окончательно расстались. Для окружающих всё выглядело просто: мы не справились с отношениями, он выбрал работу, я отказалась ждать. Удобная история, не так ли?

— И неправда?

— Не вся. Я любила его, Алиса. По крайней мере, тогда была уверена, что люблю. Но за несколько недель до свадьбы я поняла, что он никогда не смотрел на меня так, как смотрел на тебя.

Алиса почувствовала, как внутри неприятно сжалось. Она ожидала услышать обвинения, возможно, даже признание в том, что Виктория ненавидела её. Но спокойная откровенность женщины оказалась гораздо тяжелее любых упреков.

— Ты знала о нас?

— Я знала, что между вами что-то происходит. Даниэль отрицал это, а ты делала вид, что ничего не замечаешь. Вы оба считали себя очень убедительными, хотя стоило вам оказаться в одной комнате, как становилось понятно: всё остальное перестаёт иметь значение.

— Тогда почему ты не ушла от него раньше?

Виктория отвела взгляд к окну. За стеклом молодой мужчина помогал пожилой женщине перейти дорогу, придерживая её под локоть. Несколько секунд Виктория наблюдала за ними, словно пыталась найти в обычной сцене ответ, который не могла подобрать словами.

— Потому что я не хотела проигрывать, — наконец призналась она. — Мне казалось, что если я буду достаточно терпеливой, если стану идеальной невестой и сделаю всё правильно, он однажды полюбит меня по-настоящему. А потом я увидела вас вместе и поняла, что можно годами пытаться заслужить чувства, которые другому человеку даже не приходится выбирать. Это было унижительно, и я долго злилась на тебя за то, что ты получила то, чего я так отчаянно хотела.

— Но я не просила его выбирать меня.

— Знаю. И, пожалуй, именно это бесило меня сильнее всего.

Виктория достала из папки фотографию и повернула её к Алисе. На снимке были они втроём: Алиса, Даниэль и Виктория. Они стояли у входа в какое-то здание, освещённые ярким дневным солнцем. Даниэль смотрел в сторону Алисы,

а Виктория улыбалась фотографу. На первый взгляд снимок казался обычным, но Алиса заметила, что её собственная рука сжата в кулак, а на запястье виднеется тонкая красная полоса, словно от слишком тугого браслета.

— Где это снято? — спросила она.

— В день, когда ты впервые сказала мне, что собираешься уйти.

— Куда уйти?

— От Даниэля. От меня. От всего, что происходило вокруг вас. Ты сказала, что больше не можешь жить в ситуации, где каждый требует от тебя сделать выбор, а потом обвиняет тебя в последствиях.

Алиса приблизила фотографию к себе. Она не узнавала здание, но на заднем плане виднелась вывеска с несколькими стёртыми буквами. Ей показалось, что она видела её раньше — возможно, во сне или на старом снимке, который давно исчез. В голове вспыхнул короткий образ: закрытая дверь, тусклый свет и чей-то голос, произносящий: «Ты обещала, что никому не расскажешь». Затем всё исчезло, оставив лишь головную боль и неприятное чувство тревоги.

— Что случилось в тот день? — спросила Алиса.

Виктория сложила руки на столе, и её лицо стало серьёзнее.

— Ты пришла ко мне сама. Не Даниэль привёл тебя, не Марк попросил меня поговорить с тобой. Ты пришла одна и сказала, что собираешься рассказать правду. Я спросила,

какую именно, но ты ответила, что пока не можешь. А потом попросила меня сохранить письмо, которое я отдала тебе вчера.

— Почему ты согласилась?

— Потому что ты выглядела так, будто уже приняла решение, от которого невозможно отступить. И потому что я была тебе должна.

— За что?

Виктория не ответила сразу. Она достала ещё одну фотографию, но не стала передавать её Алисе. На этот раз на снимке была только сама Виктория, стоявшая у входа в больничное здание. Дата в углу указывала на день, предшествовавший аварии Алисы.

— В тот вечер я узнала кое-что о Даниэле, — произнесла она. — Я собиралась рассказать тебе, но ты уже всё знала. Ты попросила меня молчать, пока не найдёшь способ доказать свои слова. А когда я поняла, что происходит, было поздно что-либо исправлять.

— Что ты узнала?

— Не могу сказать тебе всё, пока не буду уверена, что ты готова услышать это до конца. Но я могу показать, что осталось у меня после той ночи.

Виктория вынула из папки лист бумаги и осторожно положила перед Алисой. Это была копия документа с несколькими подписями. Одна принадлежала Даниэлю, другая — неизвестному Алисе человеку. Внизу страницы стояла дата,

совпадающая с датой письма, которое она только что прочитала.

Алиса начала изучать текст, но на третьей строке остановилась. В документе упоминалось её имя, а рядом стояло слово, от которого у неё похолодели руки: «согласие».

— Что это?

— То, что ты подписала, — тихо ответила Виктория. — Но не тот документ, который Даниэль показывал тебе в своём кабинете. Этот появился раньше.

— Я ничего не помню.

— Знаю.

— Все вы знаете, что я ничего не помню, — Алиса подняла голову. — Но никто не объясняет, почему это произошло. Вы говорите так, словно я добровольно отдала вам свою жизнь, а теперь должна быть благодарна за то, что вы разрешаете мне узнать её по частям.

— Я не прошу тебя быть благодарной. Я прошу тебя не торопиться с выводами. Иногда правда оказывается страшнее, чем ложь, которую мы выбирали вместо неё.

Алиса отодвинула документ. Ей хотелось немедленно забрать все бумаги, уйти и самостоятельно разобраться в каждой строчке. Но она понимала, что Виктория не случайно назначила встречу именно здесь и принесла папку, которую, вероятно, хранила три года.

— Ты сказала, что должна мне. За что именно?

Виктория побледнела. На мгновение её деловая сдержан-

ность исчезла, уступив место усталости человека, который слишком долго носил в себе чужую тайну.

— Потому что в ночь перед твоей аварией ты позвонила мне. Ты плакала и просила приехать. Я сказала, что не могу, потому что была с Даниэлем. А утром узнала, что ты попала в аварию.

— И ты думаешь, что могла мне помочь?

— Я не знаю. Но я знаю, что ты оставила мне голосовое сообщение, которое я не решалась переслушать до сегодняшнего дня. Там ты говорила о человеке, которому доверяла больше всех. И это был не Даниэль.

Алиса почувствовала, как сердце начинает биться быстрее. Она хотела спросить имя, но Виктория уже достала телефон и открыла старую запись. Её палец замер над экраном.

— Ты уверена, что хочешь это услышать? — спросила она.

— Нет, — честно ответила Алиса. — Но я хочу знать.

Виктория включила запись.

Сначала раздался шум, похожий на ветер или движение автомобиля. Затем послышалось прерывистое дыхание и голос самой Алисы — испуганный, дрожащий, совсем не похожий на тот, которым она говорила сейчас.

— Если со мной что-нибудь случится, не позволяй ему забрать документы. Он скажет, что делает это ради меня, но ты не верь. Виктория, пожалуйста... ты должна помнить, что он обещал.

Запись оборвалась.

Алиса не могла пошевелиться. Она узнала собственный голос, но не узнала человека, который говорил этими словами. Кто был тот, кого она так боялась? И какие документы он собирался забрать?

Виктория выключила экран и убрала телефон.

— Я не знаю, о каких документах ты говорила, — сказала она. — И до сегодняшнего дня не знала, что произошло с тобой сразу после этого звонка. Но вчера вечером мне позвонил человек, который представился твоим старым знакомым. Он спросил, встречалась ли я с тобой и передала ли тебе письмо.

— Кто это был?

— Он не назвал своего имени. Но, Алиса, он знал о записи. Знал её содержание и даже повторил последние слова, которые ты произнесла перед тем, как связь оборвалась.

Алиса медленно поднялась со стула. Теперь она понимала, что дело не только в Даниэле и не только в Марке. Кто-то ещё следил за тем, какие сведения возвращаются к ней, и этот человек был готов вмешаться, если она приблизится к ответу.

— Ты должна передать мне запись, — сказала она.

Виктория кивнула, но прежде чем отдать телефон, попросила Алису назвать номер, на который можно было отправить файл. Алиса продиктовала его, после чего забрала свою сумку и документы. Она уже направлялась к выходу, когда

Виктория окликнула её.

— Алиса, есть ещё одна вещь, которую ты должна знать. Я не знаю, кто отправил тебе фотографию, кто составил тот документ и кто сейчас пытается остановить тебя. Но я точно знаю, что Даниэль не был единственным человеком, который хотел, чтобы ты забыла прошлое.

Алиса остановилась у двери.

— А Марк?

Виктория не ответила сразу. Она посмотрела на пустую чашку, затем на папку, в которой осталось несколько бумаг, и только после этого встретила Алису взглядом.

— Марк был рядом с тобой в ту ночь. И когда я спросила его, почему он не приехал раньше, он сказал, что ты сама попросила его не вмешиваться. Но в твоём голосовом сообщении ты просила меня о помощи именно потому, что больше не знала, кому доверять.

Алиса вышла на улицу, не попрощавшись. Холодный воздух ударил в лицо, но она почти не почувствовала его. В сумке лежало письмо, в телефоне должна была появиться запись, а в голове звучал собственный голос, предупреждавший о человеке, которого она не могла вспомнить.

Телефон завибрировал, когда она дошла до перекрёстка. На экране высветилось имя Даниэля.

— Ты встречалась с Викторией? — спросил он, едва Алиса ответила.

Она остановилась посреди тротуара.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что она только что позвонила мне.

— И что она тебе сказала?

— Что показала тебе запись. Алиса, послушай меня внимательно: не делай ничего, пока мы не поговорим.

— Почему? Что ты боишься, я узнаю?

На другом конце линии раздался тяжёлый вздох. Когда Даниэль заговорил снова, в его голосе больше не было привычной холодной уверенности.

— Потому что человек, о котором ты говорила в той записи, — не тот, кого ты сейчас подозреваешь.

Алиса сжала телефон.

— Тогда назови его.

Даниэль долго молчал, и она уже решила, что он снова откажется отвечать. Но наконец он произнёс имя, которого она совершенно не ожидала услышать.

— Виктория.

Связь оборвалась.

Алиса осталась стоять посреди тротуара, глядя на потухший экран. Ещё несколько минут назад Виктория казалась единственным человеком, готовым рассказать ей правду. Теперь же Алиса не знала, кто из них лгал, а кто пытался её предупредить.

И хуже всего было то, что в глубине души она чувствовала: Даниэль мог говорить правду.

Но если Виктория действительно была человеком, кото-

рого она боялась в ту ночь, почему именно ей Алиса доверила своё последнее сообщение?

И почему три года спустя Виктория решила наконец показать его?

Вопросы множились, а ответы ускользали. Алиса убрала телефон и пошла дальше, впервые осознавая, что её прошлое не просто скрыто от неё. Возможно, кто-то всё ещё отчаянно пытается не дать ей вспомнить, кем она была на самом деле.

Глава 6. Последний звонок

Алиса не позвонила Даниэлю повторно, хотя всю дорогу домой держала телефон в руке и несколько раз открывала список вызовов. Его слова не выходили у неё из головы. Виктория. Он назвал именно её — женщину, которая только что показала Алисе запись с её собственным голосом и призналась, что не смогла приехать на помощь в ночь перед аварией. Если Даниэль говорил правду, значит, Виктория скрывала нечто гораздо более серьёзное, чем неудавшуюся помолвку. Но если он пытался настроить Алису против неё, то почему сделал это так поспешно, даже не объяснив, откуда ему известно содержание записи?

Дома Алиса первым делом проверила сообщения. Виктория уже отправила аудиофайл, а следом написала: *«Я рассказала тебе всё, что помню. Остальное ты должна решить сама»*. Алиса прослушала запись ещё раз, на этот раз в наушниках, внимательно прислушиваясь к каждому звуку на фоне. После слов о документах раздавался едва заметный стук, затем скрип двери и мужской голос, слишком тихий, чтобы разобрать слова. Алиса увеличила громкость, но вместо ясной речи слышала только неразборчивый шум. Она сохранила файл в отдельную папку и записала время сообщения, решив позже обратиться к специалисту по обработке аудио. Ей не хотелось строить новые догадки на звуках,

которые могли оказаться обычным шумом улицы.

Потом она достала письмо Виктории и положила его рядом с фотографией. Фраза *«даже если этот ответ будет исходить от меня»* теперь казалась почти пророческой. Алиса словно заранее предупреждала саму себя, что память может оказаться ненадёжным свидетелем. Но что, если речь шла не только о памяти? Что, если она действительно знала нечто настолько опасное, что предпочла оставить предупреждения вместо прямых объяснений?

Размышления прервал звонок в дверь.

Алиса замерла. Она никого не ждала, а после последних событий привычные звуки больше не казались безобидными. Подойдя к двери, она посмотрела в глазок и увидела Даниэля. Он стоял в коридоре без пальто, с мокрыми от дождя волосами и таким напряжённым лицом, что Алиса невольно отступила на шаг. Несколько секунд она колебалась, прежде чем открыть дверь, оставив цепочку на месте.

— Ты не ответила на мой звонок, — произнёс он.

— Ты оборвал разговор, когда я попросила назвать имя. Не думаю, что теперь у тебя есть основания предъявлять мне претензии.

Даниэль опустил взгляд на цепочку, но не стал просить впустить его. Вместо этого он достал из кармана сложенный лист бумаги и показал Алисе через щель. На документе стояла печать адвокатской конторы и дата, совпадавшая с днём, когда она подписала заявление об отказе от контактов с ним.

— Я приехал не спорить, — сказал он. — Я хочу показать тебе кое-что, чего нет в копии, которую ты видела у меня в кабинете.

Алиса сняла цепочку, но отошла от двери, пропуская его внутрь неохотно и с явной настороженностью. Даниэль вошёл, остановился у стены и не сделал ни шага дальше, пока она сама не указала на кресло. Он заметил фотографию на столе, письмо и телефон с открытым аудиофайлом. Его взгляд задержался на письме, однако он не спросил, что именно она прочитала.

— Виктория сказала тебе, что я был с ней в ту ночь? — спросил он.

— Она сказала, что ты был с ней, когда я позвонила и просила о помощи. А потом ты заявил, что именно Виктория была человеком, которого я боялась. Я хочу понять, почему вы оба рассказываете мне разные версии одного события.

Даниэль провёл ладонью по лицу, словно пытался справиться с мыслями. Он выглядел уставшим, и в его обычной сдержанности появилось что-то непривычное — не слабость, а ощущение, будто он слишком долго держал на себе груз, который больше не мог нести в одиночку.

— Вечером перед аварией Виктория позвонила мне и сказала, что ты исчезла. Она утверждала, что ты забрала документы из моего кабинета и собираешься передать их человеку, который может разрушить не только мою карьеру, но и твою жизнь. Я не поверил ей сразу. Я пытался дозвониться

до тебя, но ты не отвечала. Тогда я поехал искать тебя.

— А где ты был, когда я звонила Виктории?

— Я не знаю, когда именно ты ей звонила. Я нашёл тебя позднее, уже после того, как ты перестала выходить на связь. Но до аварии я с тобой разговаривал.

Алиса медленно села напротив него. Она не могла определить, что тревожило её сильнее: его слова или то, насколько естественно они звучали. Даниэль не пытался оправдать себя красивыми фразами и не требовал, чтобы она поверила ему немедленно. Он просто рассказывал, и каждая новая деталь меняла картину, которую Алиса собирала в голове.

— Где ты меня нашёл?

— Возле старого вокзала. Ты стояла под навесом и разговаривала по телефону. Когда увидела меня, испугалась и попыталась уйти. Я остановил тебя, но не прикоснулся к тебе. Ты сама попросила меня выслушать.

— Что я сказала?

Даниэль посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула боль, которую он не успел скрыть.

— Ты сказала, что если я действительно тебя люблю, то должен позволить тебе уйти. А потом спросила, смогу ли я жить с тем, что однажды сделал.

Алиса почувствовала, как пальцы невольно сжались на подлокотнике. В памяти возникло смутное ощущение ночного холода, влажной ткани на запястье и мужского голоса, звучавшего совсем рядом. Она попыталась удержать этот об-

рывок, но он рассыпался, оставив после себя лишь тревогу.

— Что ты сделал, Даниэль?

— Я не могу ответить на этот вопрос за тебя. Я знаю только, что ты считала меня причастным к тому, что произошло. И я не стану утверждать, что ты ошибалась.

Он достал из папки ещё один лист и положил на стол. Это была копия записи из журнала посещений офисного здания. Время входа Даниэля совпадало с тем вечером, о котором он рассказывал, но время выхода отсутствовало. Рядом стояла отметка о том, что часть записей была восстановлена после технического сбоя.

— Я запросил эти сведения у службы безопасности, — объяснил он. — Камеры в тот вечер не работали на нескольких этажах. А журнал звонков с моего рабочего телефона оказался неполным. Кто-то удалил часть данных, но не все. Я не знаю, кто это сделал.

— И ты думаешь, что это связано с моей аварией?

— Я думаю, что кто-то хотел скрыть то, что произошло между нами. Но у меня нет доказательств, что именно этот человек причастен к аварии.

Алиса перечитала отметки и заметила, что внизу страницы указана фамилия сотрудника, подтвердившего восстановление данных. Она сфотографировала документ, после чего вернула его Даниэлю. Пока это были лишь косвенные сведения, но впервые она получила возможность проверить хотя бы часть его слов независимо от чужих воспоминаний.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

— Потому что ты пришла ко мне с фотографией и сказала, что не помнишь меня. Я не знал, насколько далеко ты готова зайти и что именно тебе уже рассказали. А потом увидел документ с твоей подписью. Я решил, что если снова попытаюсь приблизиться к тебе, то только ухудшу ситуацию.

— Но сегодня ты всё-таки пришёл.

— Потому что ты снова оказалась в центре того, от чего я пытался тебя уберечь.

Алиса резко подняла голову.

— Не смей говорить, что ты меня оберегаешь. Ты не знаешь, чего я хочу сейчас, и не имеешь права решать это за меня.

Даниэль не возразил. Он опустил взгляд на свои руки, а затем тихо произнёс:

— Ты права. Я слишком долго путал любовь с желанием всё исправить самому. Когда ты исчезла, я решил, что если найду тебя и докажу, что могу защитить, то верну всё, что потерял. Но я не подумал о том, что ты могла уйти именно потому, что больше не хотела, чтобы я принимал решения за нас обоих.

Его признание не принесло Алисе облегчения. Напротив, оно сделало ситуацию сложнее. Она не помнила их отношений, не знала, что произошло между ними, и всё же слова Даниэля отзывались внутри болезненным узнаванием. Возможно, именно так он говорил с ней раньше — не пытаясь

оправдаться, но и не освобождая себя от ответственности.

— Мне нужно время, — сказала она. — И если ты действительно хочешь помочь, больше не скрывай от меня документы, записи или факты, которые могут иметь отношение к моей жизни. Даже если тебе кажется, что я не готова их услышать.

— Хорошо.

— И ещё. Если ты узнаешь, что Виктория или Марк снова пытаются вмешаться в мои решения, ты не будешь разбираться с ними за моей спиной. Ты расскажешь мне.

Даниэль кивнул, но прежде чем подняться, посмотрел на фотографию с крыши.

— Ты помнишь, где она была сделана?

— Нет.

— Это крыша старого отеля на набережной. Мы поднялись туда после того, как ты сказала, что больше не хочешь жить по чужим правилам. Ты смеялась, потому что я боялся высоты, а потом попросила меня закрыть глаза и пообещать, что я никогда не стану удерживать тебя рядом против твоей воли.

— И что ты ответил?

— Что никогда не стану.

Алиса посмотрела на снимок. Теперь она знала место, но воспоминание так и не вернулось. Она не могла решить, доверяет ли Даниэлю, однако впервые почувствовала, что прошлое может состоять не только из страха и лжи. Возможно,

в нём были моменты, которые она потеряла не потому, что хотела забыть, а потому, что кто-то или что-то лишило её возможности помнить.

Когда Даниэль ушёл, Алиса ещё долго стояла у двери, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Затем вернулась к столу и открыла сообщение от Виктории. Аудиофайл был сохранён, но рядом с ним появилось уведомление о новом сообщении с неизвестного номера.

«Ты зря позволила ему прийти к тебе домой. Теперь он знает, что ты получила запись».

Алиса быстро набрала ответ, но отправить его не успела. Телефон погас, а затем перезагрузился сам. Когда экран снова загорелся, аудиофайл исчез из папки, куда она его сохранила. Алиса проверила загрузки, сообщения и резервные копии, но записи нигде не было.

Она сразу позвонила Виктории.

— Ты кому-нибудь рассказывала, что передала мне файл?
— спросила Алиса, едва та ответила.

— Нет. Что случилось?

— Запись исчезла с моего телефона. И мне только что написали, что Даниэль теперь знает о ней.

Виктория замолчала. На этот раз её молчание было не растерянным, а испуганным.

— Алиса, послушай меня. Я не знаю, кто отправил тебе сообщение, но я не говорила Даниэлю, что передала запись. Он действительно звонил мне после нашей встречи, однако

я сказала ему только то, что ты собираешься искать ответы самостоятельно.

— Ты уверена?

— Да. И есть ещё кое-что. Когда я сегодня открыла старый архив, чтобы найти голосовое сообщение, я обнаружила, что оригинал был удалён ещё три года назад. У меня сохранилась только копия, которую я случайно отправила себе на другой телефон. Если бы я не сделала этого тогда, записи не существовало бы вовсе.

Алиса медленно опустила телефон. Теперь у неё было достаточно оснований подозревать, что кто-то получил доступ к её устройству или контролировал информацию, которой она располагала. Она не собиралась обвинять Даниэля без доказательств, но и игнорировать случившееся больше не могла.

— Пришли мне всё, что у тебя осталось, — попросила она. — И никому не рассказывай, что мы разговаривали.

Закончив звонок, Алиса отключила телефон от сети и села за стол. Перед ней лежали фотография, письмо и копия документа с подписью. Три предмета, три части одной истории, ни одна из которых пока не давала полного ответа. Но теперь она знала, что в ночь перед аварией разговаривала с Даниэлем, просила Викторию о помощи и боялась потерять какие-то документы.

Оставался главный вопрос: что именно она обнаружила тогда, если была готова рискнуть всем, лишь бы правда не

исчезла вместе с ней?

Алиса открыла ноутбук и начала искать информацию о старом отеле на набережной. Если фотография была сделана там, возможно, сохранились записи о бронировании, списки сотрудников или архивные материалы. Она не рассчитывала найти ответ за один вечер, но впервые за долгое время у неё появился конкретный путь, который не зависел от того, что помнили или скрывали другие.

Через несколько минут поисков она обнаружила старую публикацию об открытии отеля. В статье упоминалось, что три года назад здание частично закрывали на реконструкцию после инцидента, о котором администрация отказалась сообщать подробности. Дата совпадала с неделей перед аварией Алисы.

Она открыла приложенную к статье фотографию здания и увеличила изображение. На втором этаже, за затемнённым окном, стоял человек. Лица было не разобрать, но на его руке блеснули часы с широким металлическим браслетом.

Алиса замерла. Она уже видела эти часы — сегодня, в кабинете Даниэля, когда он положил документы на стол.

Но это ещё ничего не доказывало. Такие часы могли быть у сотен людей.

Она закрыла страницу и записала адрес отеля. Завтра она отправится туда сама. И если в этом месте действительно началась история, которую от неё скрывали, то теперь никто не сможет заставить её остановиться.

Впрочем, Алиса пока не знала, что в тот же вечер Даниэль получил сообщение с неизвестного номера. В нём была всего одна фотография — снимок его и Алисы на крыше, сделанный в день, когда они оба ещё верили, что смогут начать всё сначала.

На обороте чужой рукой было написано:

«Ты обещал ей, что никогда не расскажешь. Не нарушай обещание второй раз».

Глава 7. Комната, которой нет на плане

Утро встретило Алису холодным дождём и низкими облаками, затянувшими город. Старый отель на набережной находился в стороне от оживлённых улиц, за рядом недавно отреставрированных зданий. Его фасад сохранил следы прежнего величия: потемневшие колонны, высокие арочные окна и кованые перила балконов, которые давно нуждались в ремонте. На первый взгляд здание казалось обычным памятником архитектуры, пережившим несколько неудачных реконструкций, но чем ближе Алиса подходила ко входу, тем сильнее становилось ощущение, что она уже бывала здесь. Не просто проходила мимо, а знала, как скрипит тяжёлая дверь, где находится лестница и в каком месте коридора всегда пахнет сыростью.

Она остановилась у входа, пытаясь разобраться в этом странном чувстве. Память не возвращалась полноценными картинками, зато тело словно узнавало пространство раньше сознания. Пальцы сами потянулись к дверной ручке, а взгляд задержался на узком окне справа от входа. На мгновение Алисе показалось, что за стеклом стоит человек и наблюдает за ней, однако, когда она присмотрелась, там никого не оказалось. Собравшись с духом, она вошла внутрь.

В холле пахло старым деревом, чистящими средствами и влажной тканью. Отель продолжал работать, хотя часть помещений была закрыта на ремонт. За стойкой регистрации сидела женщина средних лет с короткими светлыми волосами. Она подняла глаза, когда Алиса приблизилась, и вежливо поинтересовалась, забронирован ли у неё номер. Алиса ответила, что приехала не как гостя, а хотела бы поговорить с управляющим о реконструкции здания, которая проводилась три года назад. Женщина заметно насторожилась, но всё же позвонила кому-то по внутреннему телефону.

Пока она ждала ответа, Алиса изучала стену за стойкой. На старой фотографии был изображён отель до реконструкции, с открытой террасой на крыше и небольшим стеклянным павильоном у западного крыла. Именно этот павильон она помнила по снимку с Даниэлем. Однако в современной версии здания крыша выглядела иначе: часть террасы была закрыта, а лестница, ведущая к ней, исчезла за новой стеной.

— Вы ищете кого-то из прежних сотрудников? — спросила администратор, положив трубку.

— Возможно. Три года назад здесь проводились работы, и мне нужно уточнить несколько деталей. В частности, я хотела бы узнать, кто отвечал за доступ на крышу.

Женщина посмотрела на Алису внимательнее, словно пыталась вспомнить, где видела её раньше. Затем она перевела взгляд на фотографию за стойкой и нахмурилась.

— В тот период у нас сменилось руководство. Старые до-

кументы частично передали в архив, а часть помещений закрыли после несчастного случая. Если вам нужна официальная информация, лучше обратиться в администрацию.

— Какого несчастного случая?

Администратор явно пожалела, что упомянула эту подробность. Она поправила лежавшие перед ней бумаги и ответила, что ничего конкретного не знает, поскольку тогда работала в другом месте. Но прежде чем Алиса успела задать следующий вопрос, из коридора вышел мужчина в сером костюме и попросил её пройти за ним.

Управляющий представился Сергеем Павловичем и провёл Алису в небольшой кабинет, окна которого выходили во внутренний двор. На столе стояли две чашки, лежали папки с документами и несколько чертежей. Он предложил ей присесть, однако не стал спрашивать, чем может помочь, пока не убедился, что дверь закрыта.

— Мне сообщили, что вас интересуют события трёхлетней давности, — произнёс он. — Сразу предупрежу: я не имею права передавать посторонним личные данные бывших гостей или сотрудников. Если у вас есть официальный запрос, мы рассмотрим его в установленном порядке.

— Я не прошу личные данные. Мне нужно понять, почему после реконструкции закрыли выход на крышу и что произошло в здании незадолго до этого.

Сергей Павлович сцепил пальцы и внимательно посмотрел на неё. Его реакция была слишком напряжённой для

обычного вопроса, и Алиса почувствовала, что попала в нужное место. Она достала фотографию с Даниэлем и положила её на стол, не объясняя, кто изображён рядом с ней.

— Вы узнаете эту террасу?

Мужчина наклонился к снимку. Его лицо почти не изменилось, но взгляд задержался на стеклянном павильоне, а затем быстро вернулся к Алисе.

— Это старая часть здания. Её действительно закрыли после реконструкции.

— Почему?

— Из соображений безопасности.

— А до реконструкции?

— До неё доступ был ограничен.

— Но люди всё-таки поднимались туда, — заметила Алиса. — Иначе у меня не было бы этой фотографии.

Сергей Павлович откинулся на спинку кресла. Несколько секунд он молчал, словно решая, стоит ли продолжать разговор, а затем попросил Алису убрать снимок.

— Послушайте, я не знаю, кто вы и почему задаёте эти вопросы, но советую не вмешиваться в старую историю. Она закончилась три года назад.

— Для вас, возможно. Для меня — нет.

Эти слова вырвались у неё неожиданно даже для самой себя. Управляющий посмотрел на неё с выражением, в котором на мгновение мелькнуло узнавание. Он уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого поднялся и подошёл к

шкафу у стены. Достав тонкую папку, он вернулся к столу и вынул из неё копию плана здания.

— Эту схему не должны были оставлять в открытом доступе, — сказал он. — На ней обозначены помещения, которые больше не существуют в официальном плане. Я не могу отдать вам оригинал, но вы можете сфотографировать нужную часть.

Алиса наклонилась над бумагой. За стеной западного крыла обнаружилась небольшая комната без номера, соединённая узким проходом с лестницей на крышу. На схеме она была отмечена карандашом, а рядом стояли инициалы, которые Алиса сразу узнала: Д. К.

— Это помещение принадлежало Даниэлю Кравцову?

— Формально — нет. Но его компания участвовала в проекте, и некоторые рабочие комнаты использовались архитекторами. После происшествия доступ туда закрыли.

— Какого происшествия?

Сергей Павлович тяжело вздохнул и наконец перестал уклоняться от ответа. Он рассказал, что незадолго до закрытия крыши в здании произошёл конфликт между несколькими людьми. Администрация не вызывала полицию, поскольку официальных заявлений никто не подавал, а повреждения имущества объяснили технической неисправностью. Через несколько дней проект реконструкции был срочно изменён, а старые документы отправили в архив.

— Кто участвовал в конфликте? — спросила Алиса.

— Я не присутствовал при разговоре. Но помню, что на следующий день сюда приезжали господин Кравцов, госпожа Соколова и ещё один мужчина. Последнего я раньше не видел. Он не представился, однако его пропустили без регистрации.

— Вы можете описать его?

Управляющий задумался, затем сказал, что мужчина был примерно одного возраста с Даниэлем, носил тёмное пальто и дорогие часы с широким металлическим браслетом. Алиса почувствовала, как холодеют пальцы. Она вспомнила фотографию из старой публикации, на которой за затемнённым окном стоял человек с похожими часами. Это могло быть совпадением, но теперь у неё появилась причина проверить снимок внимательнее.

— У вас сохранились записи камер наблюдения? — спросила она.

— Нет. Архив за тот период повреждён, а часть файлов была удалена во время переноса системы. Мы неоднократно пытались восстановить данные, но безуспешно.

Алиса поблагодарила его за помощь и попросила разрешения сфотографировать план. Сергей Павлович согласился, но перед тем, как она убрала телефон, неожиданно произнёс:

— Если вы действительно хотите узнать, что произошло, попробуйте найти старшего инженера проекта. Его зовут Павел Громов. Он ушёл из компании вскоре после реконструк-

ции, но сохранил личные записи. Возможно, он сможет объяснить, почему эту комнату исключили из плана.

— Где его найти?

— Этого я не знаю. Но если он до сих пор живёт в городе, то, вероятно, вы сможете найти его через профессиональные архивы. Он много лет работал с историческими зданиями.

Выйдя из кабинета, Алиса направилась к лестнице, ведущей в холл. Она уже собиралась уходить, когда заметила в конце коридора неприметную дверь с потемневшей табличкой. За ней, судя по плану, должен был находиться проход к закрытой части западного крыла. Дверь оказалась заперта, но рядом с замком виднелись свежие царапины, словно кто-то недавно пытался открыть её неподходящим ключом.

Алиса достала телефон и сфотографировала замок. В этот момент из-за двери донёсся негромкий стук. Она замерла, прислушиваясь, но больше ничего не услышала. Возможно, внутри работали строители. И всё же ей не хотелось уходить, не проверив, что находится по ту сторону.

— Вам туда нельзя, — раздался голос за спиной.

Она обернулась. В нескольких шагах стояла администратор, та самая женщина, которая встретила её у входа. Теперь её лицо выглядело испуганным.

— Почему? — спросила Алиса.

— Потому что эта часть здания закрыта. Пожалуйста, не усложняйте ситуацию.

— Что вы знаете об этой комнате?

Администратор покачала головой, но по её взгляду было ясно, что она знает гораздо больше, чем готова рассказать. Она попросила Алису уйти и пообещала, что управляющий свяжется с ней, если найдёт дополнительные документы. Алиса не стала спорить. Она понимала, что не сможет открыть дверь без разрешения, а любое резкое движение лишь заставит сотрудников окончательно замкнуться.

Уже на улице она достала телефон и ещё раз посмотрела на фотографию плана. Комната без номера, инициалы Даниэля, закрытая лестница, неизвестный мужчина с дорожными часами. Всё это могло быть связано с событиями перед аварией, но пока не объясняло главного: почему Алиса оказалась в центре конфликта и какие документы пыталась сохранить.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение от Марка.

«Я знаю, где ты. Не заходи в западное крыло. Пожалуйста, уезжай оттуда и позвони мне».

Алиса остановилась посреди тротуара. Она не сообщала Марку, куда собирается ехать, и не делилась с ним своими поисками. Значит, он либо следил за ней, либо кто-то сообщил ему о её визите. Оба варианта были неприятными.

Она набрала номер и дождалась ответа.

— Откуда ты знаешь, что я здесь?

— Это неважно. Ты должна уехать.

— Для меня это очень даже важно, Марк. Ты следишь за мной?

— Нет. Но я знаю, что находится в той комнате, и не хочу, чтобы ты туда попала.

— Ты бывал там?

Марк замолчал. В трубке слышалось его дыхание, и Алиса поняла, что он снова выбирает между правдой и очередной попыткой отговорить её.

— Да, — наконец ответил он. — Я был там три года назад.

Алиса закрыла глаза. Впервые Марк сам признался в том, что напрямую связывало его с местом, о котором он прежде даже не упоминал.

— Что ты там делал?

— Я пытался забрать документы до того, как их уничтожат.

— Какие документы?

— Те, которые ты нашла первой.

Она резко открыла глаза и посмотрела на фасад отеля. За одним из верхних окон мелькнула тень, но Алиса не успела разглядеть человека. Ей показалось, что он стоял неподвижно и смотрел прямо на неё.

— Марк, я хочу знать всё. И если ты сейчас снова бросишь трубку, я найду способ попасть в эту комнату без твоей помощи.

— Не делай этого, — произнёс он с неожиданной тревогой. — Ты не понимаешь, что там осталось.

— Тогда объясни.

— Я не могу по телефону.

— Конечно. Ты никогда ничего не можешь по телефону, лично или при встрече. Но на этот раз у тебя не получится заставить меня остановиться.

Она завершила звонок и убрала телефон в карман. Впервые за всё время Алиса почувствовала, что приблизилась к настоящей разгадке. Марк признался, что был в отеле в ту ночь, Даниэль подтвердил их встречу, а Виктория передала запись, в которой Алиса просила не позволить кому-то забрать документы. Все трое были связаны с этим местом, и каждый пытался удержать её от дальнейших поисков.

Но прежде чем она успела решить, что делать дальше, на телефон пришло ещё одно сообщение — на этот раз от неизвестного номера.

«Ты уже была в этой комнате. И если войдёшь туда снова, то вспомнишь, почему сама попросила нас всё скрыть».

Алиса перечитала сообщение несколько раз. Слова «сама попросила» снова возвращали её к письму, к документу с подписью и к предупреждению, которое она оставила себе на обороте фотографии. Возможно, до аварии она действительно хотела, чтобы правда исчезла. Но теперь она была уверена в одном: решение, принятое в страхе, не давало никому права навсегда лишать её выбора.

Она подняла взгляд на верхние этажи отеля. За окнами не было видно ни движения, ни света, однако ощущение чужого присутствия не исчезало. Кто-то знал о её визите, знал о документах и, судя по всему, знал, что она собирается де-

лать дальше.

В этот момент Алиса заметила у входа мужчину в тёмном пальто. Он стоял спиной к ней и разговаривал по телефону, а на его запястье блестели часы с широким металлическим браслетом. Когда мужчина закончил разговор, он повернул голову, словно почувствовал её взгляд.

Их глаза встретились всего на секунду. Затем незнакомец быстро направился к припаркованной машине и уехал, не произнеся ни слова.

Алиса не успела рассмотреть его лицо, но заметила одну деталь: перед тем как сесть в автомобиль, он достал из кармана небольшой конверт и положил его на подоконник у входа.

Она дождалась, пока машина скроется за поворотом, и только потом приблизилась к двери. Конверт был адресован ей. Внутри лежал старый ключ с металлической биркой, на которой было выгравировано число 317.

На обратной стороне бирки кто-то написал короткую фразу:

«Ты обещала вернуться за правдой».

Алиса сжала ключ в ладони и посмотрела на закрытую дверь западного крыла. Теперь у неё было то, чего не хватало прежде, — возможность проверить собственные воспоминания, не полагаясь на слова Даниэля, Виктории или Марка.

Она ещё не знала, что скрывается за дверью, и не могла быть уверена, что ключ действительно подходит к комнате, которую она искала. Но впервые за три года прошлое пере-

стало казаться бесконечным туманом.

Где-то впереди существовало место, в котором её прежняя жизнь оставила материальный след. И Алиса собиралась его найти.

Глава 8. Триста семнадцатая

Ключ с цифрами 317 пролежал на прикроватной тумбочке всю ночь. Алиса несколько раз брала его в руки, поворачивала под светом настольной лампы и пыталась понять, к какой двери он мог подходить. На бирке не было названия отеля, а сам ключ выглядел старым, с потемневшим металлом и мелкими царапинами у основания. Единственной зацепкой оставалась надпись на обратной стороне: «Ты обеща-ла вернуться за правдой». Кто-то не просто знал о её поисках, но и рассчитывал, что она продолжит их, несмотря на предупреждения.

Утром Алиса решила не сообщать о своих планах ни Марку, ни Даниэлю. После вчерашнего визита в отель она больше не сомневалась, что каждый из них знал о закрытом западном крыле, однако никто не собирался добровольно рассказывать, что именно там произошло. Она позавтракала, проверила заряд телефона и сделала несколько снимков ключа, чтобы сохранить их на случай, если тот потеряется. Затем отправила подруге сообщение, что собирается провести день вне дома, и вызвала такси до набережной.

Отель встретил её непривычной тишиной. У стойки регистрации стоял другой сотрудник, а в холле не было ни управляющего, ни женщины, которая вчера пыталась отговорить её от посещения закрытого крыла. Алиса спросила, можно

ли поговорить с Сергеем Павловичем, но ей ответили, что он отсутствует до конца недели. Объяснять причину своего визита она не стала и направилась к лестнице, стараясь выглядеть так, будто точно знает, куда идёт.

Дверь западного крыла по-прежнему была заперта. Алиса оглянулась на пустой коридор, вставила ключ в замок и осторожно повернула его. Сначала ничего не произошло, затем внутри механизма раздался сухой щелчок. Замок поддался без усилий, словно им пользовались совсем недавно. За дверью начинался узкий коридор, освещённый единственной лампой под потолком. На стенах сохранились следы старой краски, а пол был покрыт тонким слоем пыли, нарушенным несколькими свежими отпечатками обуви.

Она вошла и тихо прикрыла дверь за собой. В конце коридора находилась лестница, ведущая наверх, а справа виднелись три двери. На двух висели таблички с номерами, третья оставалась без обозначения. Алиса сверилась с фотографией плана, сделанной накануне, и поняла, что именно эта дверь должна была вести в помещение, которое исключили из официальной схемы здания. Однако ключ с биркой 317 не подходил к её замку.

Тогда она попробовала открыть дверь с номером 317.

Замок повернулся почти сразу.

Внутри оказалась небольшая комната с единственным окном, выходившим на внутренний двор. У стены стоял письменный стол, рядом — металлический шкаф с выдвижными

ящиками. На полу лежал свёрнутый ковёр, а на подоконнике виднелась пустая чашка. Несмотря на слой пыли на мебели, в комнате чувствовался слабый запах свежего кофе. Кто-то был здесь недавно, возможно, всего несколько часов назад.

Алиса не стала сразу приближаться к столу. Она осмотрела помещение, убедилась, что больше никого нет, и только после этого включила фонарик на телефоне. На стене за шкафом обнаружился прямоугольный участок более светлых обоев, словно там долго висела картина или фотография. На столе лежали несколько пустых папок, а в верхнем ящике нашёлся блокнот с тёмной обложкой. Первые страницы были вырваны, оставшиеся заполнены короткими записями, датами и фамилиями.

На одной из страниц Алиса увидела собственное имя.

Рядом стояла дата за два дня до аварии и фраза: «Согласие получено. Дальнейшие действия отложены до личной встречи». Ниже были инициалы Даниэля, а на следующей строке — фамилия Марка. Алиса несколько раз перечитала запись, пытаясь понять, о каком согласии шла речь и почему встречу решили отложить. Почерк был незнакомым, но аккуратным и уверенным. Она сфотографировала страницу и продолжила изучать блокнот.

На последних листах обнаружилась запись, сделанная уже после аварии: *«Объект не помнит договорённостей. Документы переданы на хранение. Контакт с Кравцовым запрещён»*. Слово «объект» было подчёркнуто дважды, а рядом

стояла подпись, которую Алиса не смогла разобрать. Ей стало неприятно от того, насколько бесстрастно кто-то описывал её состояние, словно она была не человеком, а частью эксперимента.

В этот момент за дверью послышались шаги.

Алиса быстро закрыла блокнот и спрятала его в сумку. Она не успела решить, стоит ли выходить навстречу незнакомцу или переждать, когда ручка двери медленно опустилась. В комнату вошёл Марк.

Несколько секунд они смотрели друг на друга молча. Он явно не ожидал увидеть её здесь, хотя удивление быстро сменилось раздражением и тревогой. Марк закрыл дверь, но не стал приближаться к столу.

— Я просил тебя не приходить сюда, — произнёс он.

— А я не просила тебя следить за мной. Откуда ты узнал, что я здесь?

— Я не следил. Мне позвонили и сказали, что ты вошла в западное крыло.

— Кто позвонил?

Марк отвёл взгляд. Его молчание лишь усилило подозрения Алисы, и она почувствовала, что снова стоит перед человеком, который заранее знает слишком многое о её действиях.

— Ты был здесь три года назад, — сказала она. — Ты сам признался, что пытался забрать документы. Что именно ты искал?

— То, что могло навредить тебе.

— Все повторяют одно и то же. Но никто не объясняет, почему я сама подписывала документы, почему просила Викторию о помощи и почему ты решил, что имеешь право скрывать от меня всё это.

Марк провёл рукой по волосам и тяжело опустился на край стула. Впервые за всё время он выглядел не как человек, который готов защитить Алису от любых неприятностей, а как тот, кто сам не знает, как выбраться из ловушки, которую когда-то помог создать.

— Потому что ты попросила меня, — тихо ответил он. — Ты пришла ко мне за несколько дней до аварии и сказала, что если всё пойдёт не так, я должен сделать всё возможное, чтобы ты не вернулась к Даниэлю. Ты боялась, что однажды передумаешь и уничтожишь всё, ради чего так долго боролась.

— Что я пыталась уничтожить?

— Не знаю. Ты не рассказала мне всего. Но ты передала мне папку и попросила хранить её до тех пор, пока сама не решишь вернуться.

— Где она сейчас?

Марк посмотрел на шкаф, затем на закрытую дверь. Его реакция была настолько явной, что Алиса поняла: папка имела отношение к этой комнате. Возможно, она находилась здесь раньше, а потом исчезла. Или Марк знал, кто забрал её и куда перенёс документы.

— Её больше нет, — ответил он. — После аварии я вернулся сюда, но шкаф оказался пустым. Я думал, что всё уничтожили.

— А теперь?

— Теперь я думаю, что кто-то сохранил копии. И этот человек знает, что ты начала вспоминать.

Алиса достала из сумки блокнот и положила его на стол. Марк побледнел, едва увидев знакомую обложку. Он потянулся к нему, но она быстро накрыла страницы ладонью.

— Ты знаешь, что здесь написано?

— Да.

— Тогда прочитай мне запись на последней странице.

Марк не ответил. Алиса открыла блокнот и повернула его к нему. Он прочитал фразу о запрете контакта с Даниэлем и закрыл глаза, словно именно этого момента боялся больше всего.

— Это не то, чем кажется, — произнёс он.

— Я начинаю ненавидеть эту фразу.

— Потому что запись делал не я. И не Даниэль. Это рабочий журнал человека, который отвечал за документы. Я видел его всего несколько раз.

— Как его звали?

Марк посмотрел на Алису и произнёс фамилию, которую она уже слышала от управляющего отеля.

— Павел Громов.

Она вспомнила слова Сергея Павловича: старший инже-

нер проекта сохранил личные записи и мог объяснить, почему комнату исключили из плана. Теперь его имя появилось в блокноте, связанном с её прошлым. Возможно, Громов был единственным человеком, который знал, что именно происходило в этом здании перед аварией.

— Где его найти?

— Не знаю. После закрытия проекта он уехал из города.

— Марк, мне надоело слышать, что ты чего-то не знаешь. Если ты действительно хочешь помочь, перестань скрывать от меня то, что помнишь.

Он поднял на неё взгляд, и в его глазах появилось выражение, которое Алиса не могла истолковать. Там были вина, страх и что-то похожее на сожаление, но она больше не хотела принимать эмоции за доказательства.

— Я помню, как ты пришла сюда в последний раз, — наконец сказал Марк. — Ты была одна. Положила папку в шкаф и сказала, что если кто-нибудь спросит, я не должен подтверждать, что видел тебя. А потом попросила меня пообещать, что я никогда не расскажу Даниэлю, куда ты ушла.

— Почему?

— Потому что ты считала, что он может попытаться остановить тебя.

— И ты поверил, что я говорю правду?

Марк горько усмехнулся.

— Я был твоим другом. Я хотел верить тебе.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Алиса отвернулась к окну. Во дворе стояла старая машина, возле которой мужчина в тёмной куртке разговаривал по телефону. Она не могла разглядеть его лица, но заметила, что он время от времени поглядывает на окна западного крыла. Когда их взгляды почти встретились, мужчина быстро отвернулся и направился к выходу.

— Марк, кто ещё знает, что я здесь?

Он подошёл к окну и посмотрел вниз. Его лицо мгновенно изменилось.

— Нам нужно уходить.

— Сначала ответь.

— Алиса, пожалуйста. Сейчас не время.

Она резко закрыла блокнот и убрала его в сумку. Марк больше не пытался спорить и первым направился к двери. Они вышли в коридор, но не успели дойти до лестницы, как внизу раздался громкий звук закрывающейся двери. Затем послышались шаги, быстро приближавшиеся к западному крылу.

Марк остановился и прислушался. Алиса увидела, как он сжал челюсть, и впервые заметила, что он не просто испуган — он узнал шаги.

— Кто это? — прошептала она.

— Человек, которого мы не должны были встретить здесь.

Он потянул Алису к лестнице, но она вырвала руку. Ей надоело, что её постоянно пытаются увести, спрятать или убе-

речь, не объясняя причин. Если незнакомец пришёл за документами, она хотела узнать, кто он и чего добивается.

Из-за поворота коридора появился мужчина в тёмном пальто. На запястье у него блеснули часы с широким металлическим браслетом — точно такие же, как на старой фотографии из публикации об отеле. Мужчина остановился, увидев Алису, и на его лице появилось выражение не удивления, а почти облегчения.

— Значит, ты всё-таки вернулась, — произнёс он.

Алиса не узнала его, но в ту же секунду в голове вспыхнуло воспоминание: она стоит в этой комнате, держит в руках папку, а мужчина напротив говорит ей, что всё можно исправить, если она подпишет один документ. Рядом стоит Даниэль, бледный и напряжённый, а Марк просит её не торопиться.

Воспоминание оборвалось, оставив после себя головокружение. Алиса ухватилась за перила, пытаясь удержать равновесие, и мужчина сделал шаг вперёд.

— Не подходите ко мне, — резко сказала она.

Он остановился, подняв руки в примирительном жесте.

— Я не собираюсь причинять тебе вред. Я пришёл, чтобы вернуть то, что принадлежит тебе.

— Кто вы?

— Тот, кому ты доверяла больше, чем Даниэлю и Марку. Марк побледнел ещё сильнее и встал между ними.

— Не слушай его, Алиса.

— Почему? — спросила она, не отрывая взгляда от незнакомца. — Потому что он лжёт или потому что говорит то, чего ты не хочешь, чтобы я узнала?

Мужчина достал из внутреннего кармана конверт и протянул его ей. На лицевой стороне было написано её имя, а под ним стояла дата — день перед аварией. Почерк был знакомым. Алиса видела его на старых документах, но не могла вспомнить, где именно.

— Внутри то, что ты оставила здесь три года назад, — сказал незнакомец. — И ответ на вопрос, почему ты сама попросила нас скрыть правду.

Алиса не взяла конверт сразу. Она посмотрела на Марка, но тот молчал, и в этом молчании было больше признания, чем в любых словах. Наконец она протянула руку и забрала письмо.

Внутри лежала одна страница, написанная её собственным почерком.

«Если я вернусь сюда и потребую объяснений, не позволяйте мне принимать решения, пока я не узнаю, кто на самом деле предал меня. Я могу обвинить не того человека. Я могу верить тому, кто заслуживает моего недоверия. И если я снова спрошу, почему всё закончилось, напомните мне: я сама выбрала молчание, потому что правда могла разрушить жизнь человека, которого я всё ещё люблю».

Под текстом стояла подпись Алисы и ещё одна строка, написанная мелкими буквами:

«Имя человека, которому нельзя доверять, я назвала только один раз. Оно записано в папке».

Алиса медленно подняла голову. Папки, которую искала, больше не было. Марк утверждал, что после аварии шкаф оказался пустым. Незнакомец пришёл с письмом, но не назвал своего имени. А человек, которого она любила, судя по её собственным словам, мог оказаться тем, кого она пыталась защитить.

— Где папка? — спросила она.

Мужчина в тёмном пальто посмотрел на Марка.

— Он знает.

Марк не произнёс ни слова, но Алиса увидела, как он сжал руки. Впервые за всё время он выглядел человеком, которому больше не удастся спрятаться за заботой и обещаниями.

— Марк, — тихо сказала она. — Посмотри на меня и ответь. Ты знаешь, где папка?

Он поднял глаза. В них стояли слёзы, которые он отчаянно пытался сдержать.

— Да.

Алиса почувствовала, как внутри всё оборвалось. Она ожидала лжи, недомолвок и новых предупреждений, но не этого простого признания.

— Где она?

Марк посмотрел на незнакомца, затем снова на Алису.

— У Даниэля.

В коридоре повисла тишина. Мужчина в тёмном пальто

медленно убрал руки в карманы, словно получил подтверждение тому, что давно подозревал. Алиса же не могла понять, что страшнее: то, что Даниэль всё это время хранил документы, или то, что Марк знал об этом и позволял ей верить в обратное.

Она прижала письмо к груди и сделала шаг назад. Теперь ей предстояло вернуться к Даниэлю, но уже не за объяснениями о фотографии или подписи. На этот раз она собиралась потребовать папку целиком.

Потому что в ней могло быть записано имя человека, которому нельзя доверять.

И если Алиса действительно назвала его перед аварией, значит, где-то глубоко внутри она уже знала ответ.

Глава 9. Папка, которую он не отдал

— У Даниэля.

Слова Марка повисли в тесной комнате, словно кто-то только что захлопнул дверь, за которой Алиса надеялась найти ответы. Несколько секунд она смотрела на друга, пытаясь понять, что именно он сейчас признал. Не то чтобы Даниэль хранил документы — это ещё можно было объяснить. Марк знал, где находится папка, знал об этом всё время и позволял ей искать правду в заброшенном отеле, среди чужих записей и обрывков воспоминаний.

— Ты хочешь сказать, что все эти дни я могла просто спросить его? — Голос прозвучал непривычно спокойно, и именно это спокойствие заставило Марка отвести глаза. — Пока я пыталась понять, кто лжёт, ты знал, где лежит самое важное.

— Я знал только, что папка у него. Что именно внутри, я не знаю.

— Ты правда считаешь, что я поверю в эту разницу? Марк провёл ладонью по лицу. Впервые за всё время знакомства с собственной прошлой жизнью Алиса увидела его не растерянным и не испуганным за неё, а человеком, который устал удерживать слишком тяжёлую тайну. Но уста-

лость не делала его честнее, а забота не отменяла того, что он скрывал.

— Три года назад ты попросила меня не позволять Даниэлю вмешиваться, — произнёс он. — А потом сама передала ему папку. Я не знаю, что ты ему сказала. Помню только, что ты была уверена: если документы останутся у тебя, кто-то попытается их забрать.

— Кто-то? Кто именно?

— Ты не назвала имени.

— Но назвала его в папке, верно? — Алиса подняла письмо, которое всё ещё держала в руке. — Здесь написано, что имя человека, которому нельзя доверять, записано внутри. Значит, я знала, кого боюсь. И ты знаешь, у кого лежит доказательство.

— Я не знаю, кого ты назвала. Клянусь.

Она хотела ответить, но за спиной раздался тихий звук. Незнакомец в тёмном пальто, всё это время стоявший у двери, взглянул на часы с широким металлическим браслетом. Его лицо оставалось в тени, однако теперь Алиса замечала, как тщательно он избегает прямого света из коридора.

— Вы оба говорите правду ровно настолько, насколько вам это выгодно, — произнёс он. — И пока вы спорите, человек, у которого находится папка, может снова принять решение за тебя.

— Тогда скажите хотя бы, кто вы такой.

— Ты знала меня раньше.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Он шагнул к выходу. Алиса успела заметить на его пальцах тонкий белёсый шрам, пересекавший костяшку указательного пальца. Что-то внутри неприятно дрогнуло: не воспоминание, скорее ощущение, будто она когда-то видела этот жест — как человек придерживает дверь, прежде чем уйти. Но образ тут же рассыпался, оставив после себя только нарастающее раздражение.

— Подождите! — крикнула она.

Незнакомец остановился, не оборачиваясь.

— Если я сама попросила вас всё скрыть, почему вы реши-
ли, что теперь имеете право выбирать, какую часть прав-
ды мне сообщать?

Он помолчал, и на этот раз в его молчании не было преж-
ней уверенности.

— Потому что три года назад ты попросила нас защитить
не только тебя.

— Кого ещё?

— Вот это тебе и придётся выяснить у Даниэля.

Дверь за ним закрылась. Алиса резко повернулась к Мар-
ку, но тот лишь покачал головой, словно заранее знал, что
последует за этим разговором.

— Я не могу сказать больше, — произнёс он. — Не пото-
му, что не хочу. Я действительно не помню всего.

— Удивительно, как много людей вокруг меня ничего не

помнят, — горько усмехнулась она. — И как много они при этом знают.

Алиса убрала письмо в сумку и направилась к выходу. Марк попытался её остановить, но не прикоснулся к ней — возможно, впервые за всё время поняв, что любое такое движение лишь усилит её недоверие.

— Не иди к нему одна.

— Я уже три года живу среди чужих решений, Марк. Сегодня хотя бы одно приму сама.

Дорога до архитектурного бюро показалась бесконечной. За окном такси город плыл в сером свете, отражаясь в мокром асфальте витринами магазинов и окнами высоких зданий. Алиса пыталась восстановить последовательность событий, но каждый факт словно противоречил предыдущему: письмо говорило, что она сама решила молчать; журнал утверждал, что после аварии она не помнила договорённостей; Марк уверял, что она боялась потерять документы; неизвестный человек намекал, что речь шла о чьей-то чужой жизни.

И среди всех этих версий оставался Даниэль. Мужчина, которого она не помнила, но чьё лицо на старой фотографии выглядело слишком близким, чтобы быть случайностью. Мужчина, обещавший никогда не удерживать её против воли, и тот же мужчина, у которого теперь находилась папка с именем человека, которому она не доверяла.

В приёмной ей сообщили, что Даниэль занят на встрече.

Алиса не стала ждать разрешения и прошла к его кабинету. Дверь оказалась приоткрыта; за ней слышался спокойный мужской голос, обсуждавший сроки нового проекта. Она постучала один раз и вошла.

Даниэль сидел за столом напротив незнакомого ей мужчины в дорогом костюме. На экране за его спиной был открыт план здания, но, увидев Алису, он сразу закрыл презентацию и поднялся.

— Нам нужно поговорить, — сказала она.

В его взгляде мелькнуло беспокойство. Он не спросил, что произошло, и не попытался выяснить, почему она появилась без предупреждения. Лишь коротко извинился перед собеседником и попросил перенести обсуждение. Когда дверь за посетителем закрылась, Даниэль повернул ключ в замке.

— Что случилось?

— Где папка?

Он замер.

Это длилось всего секунду, но Алисе хватило. Даниэль не удивился самому вопросу. Он удивился тому, что она наконец его задала.

— Кто рассказал тебе о ней?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.